

ВЕСТНИК **государственного** **университета** **«Дубна»**

#3 2025

Серия
«Науки
о человеке
и обществе»

Электронный
научный
журнал

В номере:

Социология культуры

История науки

**Политика и международные
отношения**

Философские исследования

Вопросы образования

Редколлегия

Багдасарьян Н.Г., доктор философских наук, профессор, научный руководитель кафедры социологии и гуманитарных наук – главный редактор

Боклагов Е.Н., кандидат философских наук, доцент кафедры социологии и гуманитарных наук – заместитель главного редактора

Кравченко А.Л., кандидат философских наук, ассистент кафедры социологии и гуманитарных наук – редактор, ответственный секретарь

Члены Редколлегии:

Anna Stetsenko, PhD, Professor Ph.D. Programs in Psychology, The Graduate Center of The City University of New York

Братусь Б.С., доктор психологических наук, профессор, научный руководитель факультета психологии Российского православного университета кафедры

Венгер А.Л., доктор психологических наук, профессор кафедры психологии Государственного университета «Дубна»

Дулина Н.В., доктор социологических наук, профессор кафедры социологии и социальных технологий Волгоградского государственного университета

Плебанек О.В., доктор философских наук, профессор, зав. кафедрой социально-гуманитарных дисциплин Университета при Межпарламентской Ассамблее ЕвАзЭС

Ениколопов С.Н., кандидат психологических наук, доцент, руководитель отдела медицинской психологии ФГБНУ «Научного центра психического здоровья»

Истомина О.Б., доктор философских наук, зав. кафедрой социально-экономических дисциплин Иркутского государственного университета

Субочева О.Н., доктор социологических наук, профессор кафедры социологии и культурологии МГТУ им. Н.Э. Баумана

Федотова В.Г., доктор философских наук, главный научный сотрудник, руководитель научного направления «Социальная философия и развитие гражданского общества в России», сектор социальной философии ИФ РАН

Хозиев В.Б., доктор психологических наук, профессор, зав. кафедрой клинической психологии Государственного университета «Дубна»

Шимон И.Я., доктор исторических наук, профессор кафедры социологии и гуманитарных наук Государственного университета «Дубна»

Юдина Т.Н., доктор социологических наук, профессор, зав. кафедрой социологии социальной сферы РГСУ

Выпускающие редакторы номера – **Н.Г. Багдасарьян**, доктор философских наук, профессор, научный руководитель кафедры социологии и гуманитарных наук Государственного университета «Дубна»

А.Л. Кравченко, кандидат философских наук, ассистент кафедры социологии и гуманитарных наук Государственного университета «Дубна».

Обложка номера создана с помощью ИИ-ассистента YandexGPT 5.1 Pro.

Содержание

Социология культуры

Кравченко А.Л., Волчкова Ю.А. «Теория мертвого интернета» как феномен современной цифровой культуры 3

Закржевский А.А. Стратегии позиционирования Японии в мировом культурном пространстве в XXI веке 12

История науки

Колесников А.Г. Нейтронная физика: генезис и перспективы развития (Часть 2) 34

Политика и международные отношения

Фролова А.Д. Индонезия и БРИКС+: проблемы и перспективы сотрудничества 52

Мухина П.А. Научная дипломатия как ключевой элемент «Глобальной Британии»: проблемы и будущее 63

Философские исследования

Бодрина М.С. Философия войны в оптике русской мысли рубежа XIX-XX веков: духовные и метафизические аспекты (Часть 2) 72

Сотниченко А.О. Человек и ИИ: взаимодействие против замещения 85

Вопросы образования

Зорихин Д.С. Конструирование образовательных программ СПО в рамках федерального проекта «Профессионалитет» 95

УДК 008

А.Л. Кравченко, Ю.А. Волчкова

«Теория мертвого интернета» как феномен современной цифровой культуры

Аннотация:

Представлен анализ «теории мертвого интернета» как феномена цифровой культуры, получившего популярность в середине 2010-х – начале 2020-х гг. Рассмотрен генезис, ключевые положения и аргументация сторонников нарратива о «мертвом интернете». Выявлено его проблемное поле, связанное с кризисом аутентичности, алгоритмическим отчуждением и экономической детерминацией цифрового пространства. Показаны контраргументы, ставящие под сомнение обоснованность нарратива. Сделан вывод о том, что «теория мертвого интернета» выступает культурным симптомом и мифом, отражающим коллективные тревоги, связанные с процессами дегуманизации цифровой среды и утраты чувства подлинности интернет-коммуникаций.

Ключевые слова: теория мертвого интернета, цифровая культура, искусственный интеллект, миф, симулякр, цифровое общество, социальная теория.

Об авторах: Кравченко Алексей Леонидович, Государственный университет «Дубна», кандидат философских наук, ассистент кафедры социологии и гуманитарных наук; эл. почта: alkravch1@yandex.ru

Волчкова Юлия Александровна, МГТУ им. Н.Э. Баумана, студент кафедры «Безопасность в цифровом мире»; эл. почта: julievolchok@yandex.ru

Введение

«Теория мертвого интернета» (Dead Internet Theory), возникшая на периферии цифрового пространства, за несколько лет трансформировалась из маргинального конспирологического нарратива во влиятельный культурный миф, претендующий на объяснение фундаментальных трансформаций медийной среды. Ее центральный постулат заключается в том, что интернет, каким его знали пользователи 1990-х и 2000-х гг., фактически прекратил свое существование, уступив место алгоритмически

сконструированной симуляции, где ботам и контенту, генерируемому искусственным интеллектом (далее – ИИ), принадлежит доминирующая роль, а человеческая активность оказывается маргинализированной или полностью вытесненной.

В 2021 г. на зарубежных форумах распространился манифест «Теория мертвого интернета: большая часть интернета – фейк», а в журнале The Atlantic вышла статья «Может быть, вы не заметили, но интернет «умер» пять лет назад» [5; 12]. В текстах звучал тезис: примерно с 2016-2017 гг. большая часть контента в интернете генерируется ботами и алгоритмами, которые во многом контролируются корпорациями и иными структурами для манипуляции общественным мнением.

Миф о «мертвом интернете»

Как отмечает Р. Барт, миф подменяет реальность, формируя новую, идеологически окрашенную объективность. В то же время он «ничего не скрывает и ничего не демонстрирует – он деформирует; его тактика – не правда и не ложь, а отклонение» [1, с. 289]. Поэтому мифологическое воспринимается субъектом как нечто разумеющееся и естественное. Колонизируя реальность, миф лишает вещи их подлинности и истории. В этой связи мифологизация интернет-пространства маскирует реальные социально-технологические проблемы алгоритмизации, кризиса доверия и коммерциализации внимания пользователей под нарратив о захвате сети. Тем не менее мифы возникают в переходные периоды, когда прежние модели восприятия перестают адекватно описывать реальность, а новых еще не появилось.

Несмотря на явный внешний конспирологический характер, концепт «мертвый интернет» представляет значительный интерес для культурологического анализа как симптом глубинных сдвигов в восприятии цифровой реальности, кризиса доверия к медиасреде и трансформации понятия аутентичности в эпоху цифровизации и «власти алгоритмов» [9]. Возникновение «теории мертвого интернета» хронологически совпадает с периодом растущей коммерциализации и платформизации сети. Если ранний интернет (эпоха Web 1.0) характеризовался относительной прозрачностью и ориентацией на гипертекстовые структуры, а эпоха Web 2.0 была провозглашена временем пользовательского контента и социального взаимодействия, то к середине 2010-х гг. на первый план вышла логика платформ-посредников, которые все больше стали напоминать «цифровых суверенов», контролирующих потоки информации и социальных взаимодействий.

В этой связи социальный теоретик Я. Варуфакис характеризует современную эпоху как «технофеодализм», где на смену классическим буржуа приходят облачные «технофеодалы», существующие за счет облачной ренты и скрытых механизмов извлечения стоимости, заложенных в цифровые платформы, которыми они владеют. Пользователи, в свою очередь, потребляют контент и ежемесячно оплачивают подписки за доступ к нему, оказываясь в роли «цифровых крепостных», предоставляя персональные данные [4].

В подобном контексте и сформировался нарратив о «смерти» изначального интернета. Первые систематические формулировки «теории» появились на анонимных форумах, где пользователи констатировали нарастающую «стерильность» цифровой среды, исчезновение органичных сообществ и подмену живого человеческого общения алгоритмически управляемыми взаимодействиями. Популяризации «теории» способствовала последующая адаптация в мейнстримовых медиа, что свидетельствует о ее резонансе с широко распространенными настроениями цифрового отчуждения.

Интернет как пространство симулякров

Проблематика, поднимаемая «теорией мертвого интернета», многогранна и затрагивает ключевые вопросы цифровой эпохи. В частности, современный этап развития культуры, соответствующий цифровому обществу, тесно связан с феноменом симуляции [6]. Так, в работе «Симулякры и симуляции» Ж. Бодрийяр описывает порядок, в котором знак больше не отсылает к реальности, а замещает ее, создавая «гиперреальность». Симулякр предстает образом, первоначально соответствующим реальности фундаментальной, однако впоследствии реальность начинает им «маскироваться и искажаться» [3, с. 12].

Дальнейшее развитие образа приводит к маскировке отсутствия фундаментальной реальности и, наконец, образ становится «подлинным» симулякром, когда утрачивает с ней всякую связь и оказывается собственным порождением. Поэтому симулякр предстает не просто образом, маскирующим истину, а самой «истиной, скрывающей свое же отсутствие». В концепции Бодрийяра современное общество воспроизводится посредством моделей реального, лишенных оригинала реальности. Реальность подменяется гиперреальностью, стирающей реальное как «систему координат» и превращающей его в модель [2, с. 78].

Отметим, что концепция Бодрийяра оказала существенное влияние не только на дальнейшее развитие социальной теории, но и массовую культуру конца XX – начала XXI вв. Показательным примером служит художественный фильм «Матрица», в начале которого главный герой использует томик «Симулякров и симуляций» в качестве тайника. Показательно, что и книга в кадре – очевидная бутафория, поскольку объем подлинника намного меньше и не позволяет прятать в себе наличные деньги или диски¹.

В контексте бесконечных цепей симуляций, где знаки теряют связь с референтом и начинают воспроизводить друг друга, современный интернет может быть описан как пространство симулятивных коммуникаций: лайки, комментарии, репосты сохраняют внешние формы взаимодействия, но утрачивают внутренний смысл. При этом «теория мертвого интернета» представляет собой доведение симулятивного нарратива до предела: цифровое пространство превращается в поле симулякров, где боты имитируют эмоции, дискуссии и интересы, а алгоритмически сгенерированный контент бесконечно рекомбинирует сам себя.

Экономическая детерминация цифрового пространства

Иным аспектом цифровой культуры, который затрагивается концептом «мертвого интернета», становится феномен алгоритмического отчуждения. Пользователь перестает быть суверенным субъектом коммуникации, оказываясь объектом манипулятивных практик. Его внимание выступает ресурсом, который необходимо удерживать персонализированными лентами, рекомендательными системами и оптимизированным под максимальное вовлечение контентом. Протоколы и алгоритмы начинают определять саму онтологию сетевого пространства, предписывая допустимые формы действия, что в конечном итоге приводит к девальвации спонтанной человеческой коммуникации. Алгоритмы не только создают контент, но и формируют паттерны поведения и моральные установки пользователей.

¹ Вместе с тем в недавней статье группа ученых опровергла радикальную «теорию» симуляции, согласно которой человечество может жить внутри смоделированной компьютером симулятивной реальности, подобно тому, как это описано в «Матрице» – исследователи заключают: «глубинную» информацию Вселенной нельзя смоделировать, поскольку завершённое описание реальности нельзя получить лишь с помощью вычислений [11].

В подобных условиях алгоритмической культуры человек утрачивает контроль над цифровым окружением, поскольку его выбор не столько личный, сколько предварительно отфильтрованный интерфейсами цифровой платформы. Все это формирует ощущение «сетевой пустоты», ведь выражение «настоящих» пользователей в сетевом пространстве обезличено и лишено рефлексивности. Как отмечает Н. Срничек, цифровые платформы оказываются бизнес-моделями, а их целью выступает прежде всего хранение и использование колоссальных объемов извлекаемых данных – новой «нефти» XXI в. В то же время всякая платформа характеризуется сетевым эффектом – стремлению к монополизации за счет увеличения спектра реализуемых товаров и услуг и постоянного наращивания аудитории [8, с. 43-45].

Представляется, что на это преимущественно и направлены алгоритмы, влияющие на потребительское поведение пользователей и порождающие тем самым феномен «эрозии субъектности», где человек постепенно трансформируется из активного актора сетевых коммуникаций в пассивный объект алгоритмизации. По этой причине концепт «мертвого интернета» затрагивает проблему экономической детерминации цифрового пространства. Движущей силой «омертвления» выступает доминирующая рекламная модель, основанная на внимании. Боты и ИИ-контент оказываются идеальными агентами такой системы: они относительно недорогие, бесконечно масштабируемы и могут быть настроены на генерацию кликов и удержание пользователя. В частности, это приводит к появлению «цифровых пустырей» – бесчисленных сайтов, наполненных SEO-оптимизированными, но семантически пустыми текстами. Экономическая эффективность в «пустырях» напрямую противоречит культурной и коммуникативной ценности.

Аргументы и критика «теории мертвого интернета»

Аргументация сторонников «теории мертвого интернета» опирается на ряд наблюдаемых феноменов. Статистические данные, указывающие на то, что почти половина интернет-трафика генерируется ботами, служат количественным подтверждением тезисов. Так, в ежегодном отчете Imperva указано, что 50% всего интернет-трафика в 2024 г. было сгенерировано ботами [5].

Качественные аргументы включают в себя повсеместное распространение шаблонных, лишенных контекста комментариев в социальных сетях, которые воспроизводят одни и те же фразы и реакции, создавая иллюзию массового одобрения или обсуждения. Ярким примером выступают многочисленные посты, содержащие

технические ошибки (например, видео без звука), в обсуждениях под которыми разворачиваются активные «дискуссии» о содержании, что выдает неспособность ботов к контекстуальному анализу.

Другим аргументом оказывается существование миллионов фейковых аккаунтов и виртуальных инфлюенсеров, чья цифровая идентичность целиком сконструирована и управляется для коммерческих или пропагандистских целей. Эти аккаунты, часто использующие аватары, сгенерированные нейросетями, участвуют в создании видимости социальной активности, формируя «инструментарий поведения» для управления массовым сознанием. Наконец, к аргументам можно отнести новостные и даже научные статьи, полностью составленные нейросетью, отличить которые от «человеческих» с каждым днем становится все сложнее [14].

Критика «теории мертвого интернета» указывает на ее методологические слабости и преувеличения. Прежде всего, «теория» едва ли отличается точными и непротиворечивыми данными о реальном масштабе явления – различные исследования приводят сильно расходящиеся оценки доли бот-трафика и ИИ-сгенерированного контента. Кроме того, «теория» явно недооценивает резистентность и адаптивность человеческих сообществ. В ответ на засилье алгоритмов и коммерциализацию в цифровой среде постоянно возникают новые, нишевые платформы и формы коммуникации, основанные на принципах доверия, аутентичности и прямой модерации. Постепенно пользователи развивают «цифровую грамотность», учась распознавать симуляцию и целенаправленно искать пространства для подлинного взаимодействия.

История интернета демонстрирует, что паника по поводу его «смерти» или фундаментальной порчи оказывается циклично повторяющимся культурным сценарием. Аналогичные дискурсы сопровождали переход к эпохе Web 2.0, которую винили в дилетантизме и падении качества контента, а вместе с ней и расцвет социальных сетей, который, по мнению критиков, должен был убить «нормальный» интернет эпохи Web 1.0. Однако всякий раз интернет не умирал, но мутировал, интегрируя новые технологические формы и порождая иные социокультурные практики.

Констатация «смерти» интернета сама по себе оказывается весьма характерной для современности, где помимо интернета за последние десятилетия неоднократно заявлялось о конце (т.е. «смерти») истории, идеологии, искусства, социального, постмодернизма, а вслед за ним и постпостмодернизма и пр. [7]. В этой связи «теория мертвого интернета»

выступает не столько диагнозом, сколько симптомом цифровой современности – культурным барометром, фиксирующим современные общественные тревоги. Она выражает страх перед утратой человеческого контроля, ностальгию по «настоящему» интернет-общению и растущее недоверие к переходу сети в платформенный формат. Концепт знаменует кризис цифровой культуры, где прежние нормы онлайн-взаимодействия оказались размыты, а новые еще не сформировались [10].

Заключение

Дальнейшее развитие интернет-коммуникаций может быть реализовано в разных сценариях. Так, пессимистический сценарий предполагает реализацию пророчеств «теории»: «вымирание» человеческого сегмента интернета, его вытеснение в маргинализированные, плохо индексируемые «подпольные» пространства, в то время как мейнстрим превратится в полностью алгоритмизированную медиасреду для потребления рекламного контента.

Оптимистический сценарий предполагает, что развитие технологий верификации контента (например, водяных знаков для ИИ-генерируемых материалов) и рост цифровой грамотности пользователей позволят выработать новые иммунитеты против симуляции. В этом случае интернет эволюционирует в гибридную среду, где ИИ будет выполнять вспомогательные сервисные функции, а за человеком сохранится роль конечного смыслопорождающего субъекта [13].

Таким образом, «теория мертвого интернета», отвергаемая как буквальная истина, выполняет важнейшую культурологическую функцию – она служит зеркалом, в котором цифровое общество обнаруживает свои страхи и противоречия. Ее возникновение и популярность сигнализируют о необходимости переосмысления фундаментальных категорий аутентичности, сообщества, доверия и др. в условиях, когда сама ткань реальности все больше опосредуется алгоритмами и оказывается населена цифровыми фантомами. В то же время у затрагиваемых «теорией» явлений прослеживается четкая экономическая мотивация – удержать внимание пользователей и монетизировать его любыми средствами. Будущее интернета будет определяться не столько технологическим развитием, сколько нашей коллективной способностью отстаивать в нем человеческое измерение.

Библиографический список:

1. Барт Р. Мифологии / Р. Барт; пер. с фр., вступ. ст. и коммент. С. Зенкина. 4-е изд. М.: Академический проект, 2017. 351 с.
2. Бодрийяр Ж. Фантомы современности // Матрица Апокалипсиса. Последний закат Европы / Бодрийяр Ж. Фантомы современности. Сиоран Э. Конец истории. М.: Алгоритм, 2015. 272 с.
3. Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляции / Ж. Бодрийяр; пер. с фр. А. Качалова. М.: ПОСТУМ, 2018. 240 с.
4. Варуфакис Я. Технофеодализм. Что убило капитализм / пер. А. Снигилов, науч. ред. А. Павлов. М.: Ад Маргинем, 2025. 304 с.
5. Вся правда о «мертвом интернете»: почему теория о сгенерированных ботами сайтах стала вирусной [Электронный ресурс] // Tproger. Режим доступа: <https://tproger.ru/articles/vsya-pravda-o--myortvom-internete---pochemu-teoriya-o-sgenerirovannyh-botami-sajtah-stala-virusnoj> (дата обращения 24.11.2025).
6. Кузнецова Т.Ф. «Цифровая культура» // Знание. Понимание. Умение. 2018. № 4. С. 233-237.
7. Павлов А.В. Постпостмодернизм: как социальная и культурная теории объясняют наше время. М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2019. 560 с.
8. Срничек Н. Капитализм платформ. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2020. 128 с.
9. Di Placido D. The Dead Internet Theory, Explained [Электронный ресурс] // Forbes. Режим доступа: <https://www.forbes.com/sites/danidiplacido/2024/01/16/the-dead-internet-theory-explained/> (дата обращения 04.11.2025).
10. Eissa M. The Influence of AI-Generated Content on Trust and Credibility within Specialized Online Communities // ShodhAI: Journal of Artificial Intelligence. 2025. Vol. 2, No. 2. Pp. 1-14.
11. Faizal M. Consequences of Undecidability in Physics on the Theory of Everything / M. Faizal, L. Krauss, A. Shabir, F. Marino // Journal of Holography Applications in Physics. 2025. Vol. 5, No 2. Pp. 10-21.
12. Maybe You Missed It, but the Internet ‘Died’ Five Years Ago [Электронный ресурс] // The Atlantic. Режим доступа: <https://www.theatlantic.com/technology/archive/2021/08/dead-internet-theory-wrong-but-feels-true/619937/> (дата обращения: 24.11.2025).

13. Mazumdar P. The Dead Internet Theory: A Survey on Artificial Interactions and the Future of Social Media / P. Muzumdar, S. Cheemalapati, S. Remireddy, K. Singh // Asian Journal of Research in Computer Science. 2025. Vol. 18, No.1. Pp. 67-73.

14. We Asked GPT-3 to Write an Academic Paper about Itself – Then we Tried to Get It Published [Электронный ресурс] // Scientific American. Режим доступа: <https://www.scientificamerican.com/article/we-asked-gpt-3-to-write-an-academic-paper-about-itself-mdash-then-we-tried-to-get-it-published/> (дата обращения: 24.11.2025).

Kravchenko A.L., Volchkova Yu.A. **The Theory of the «Dead Internet» as a Phenomenon of Modern Digital Culture**

The article presents an analysis of the «theory of the dead Internet» as a phenomenon of digital culture that gained popularity in the mid-2010s and early 2020s. It examines the genesis, key provisions, and arguments of the «dead Internet» narrative, highlighting its problematic aspects related to the crisis of authenticity, algorithmic alienation, and economic determinism in the digital space. The article also presents counterarguments that challenge the validity of this narrative. It is concluded that the «theory of the dead Internet» is a cultural symptom and myth that reflects collective concerns about the dehumanization of the digital environment and the loss of authenticity in online communication.

Keywords: theory of the dead internet, digital culture, artificial intelligence, myth, simulacrum, digital society, social theory.

УДК 316

А.А. Закржевский

Стратегии позиционирования Японии в мировом культурном пространстве в XXI веке

Аннотация:

Рассмотрен комплекс стратегий позиционирования Японии в мировом культурном пространстве. Выявлены ключевые стратегии, инструменты, механизмы и акторы культурного позиционирования Японии, а также оценка их перспектив развития. Методологической основой работы послужили принципы системного подхода и сравнительного анализа. Показано, что Япония применяет сложную, многоуровневую систему культурного позиционирования, которая приносит значительные экономические и имиджевые плоды. Однако для повышения ее результативности требуется преодоление ряда внутренних и внешних вызовов. Результаты работы вносят вклад в развитие японоведения, теории международных отношений и исследований в области культурной политики и экономики. Практическая значимость заключается в том, что выводы и рекомендации исследования могут быть использованы органами власти и экспертным сообществом других стран при формировании собственных стратегий культурного влияния и национального брендинга, а также представителями бизнеса, работающими в сфере креативных индустрий, туризма, международной торговли для лучшего понимания японского рынка и его культурного контекста.

Ключевые слова: Япония, брендинг, стратегии позиционирования, культурное пространство, имидж, мягкая сила.

Об авторе: Закржевский Арсений Александрович, МГУ им. М.В. Ломоносова, студент кафедры информационного обеспечения внешней политики; эл. почта: arseny_zakrzewski@mail.ru

Научный руководитель: Багдасарян Надежда Гегамовна, МГУ им. М.В. Ломоносова, доктор философских наук, профессор кафедры информационного обеспечения внешней политики; эл. почта: ngbagda@mail.ru

Введение

В условиях глобализации и трансформации системы международных отношений, где экономическая мощь и военная сила все чаще дополняются, а иногда и вытесняются инструментами «мягкого влияния», культура приобретает стратегическое значение. Способность страны формировать привлекательный международный имидж, продвигать свои ценности и культурные продукты становится важным фактором ее конкурентоспособности, инвестиционной привлекательности и политического веса. Культурное позиционирование превращается из сугубо гуманитарной сферы в неотъемлемую часть национальной экономической и внешнеполитической стратегии.

В этой связи опыт Японии представляет особый интерес. Страна, прошедшая путь от самоизоляции до статуса экономической сверхдержавы и признанного глобального центра современной культуры, демонстрирует уникальный пример использования культурных ресурсов для достижения национальных целей. Сочетание глубоких традиций и ультрасовременной поп-культуры, успехи в «гастродипломатии» и продвижении специфического образа жизни делают японский кейс исключительно актуальным для изучения механизмов культурного влияния и их экономической отдачи. Особенно это важно в свете стоящих перед Японией вызовов – демографического кризиса, необходимости поиска новых драйверов экономического роста и усиливающейся конкуренции в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Анализ японских стратегий позволяет выявить как успешные практики, так и потенциальные риски и ограничения, что имеет не только теоретическое, но и практическое значение.

Несмотря на значительный объем исследований, ряд аспектов стратегий культурного позиционирования Японии остается недостаточно изученным: не всегда проводится комплексный анализ взаимодействия различных инструментов позиционирования и их синергического эффекта на формирование целостного имиджа. Требуется внимания и критическая оценка экономической эффективности государственных инициатив, таких как «Cool Japan», с учетом внутренней критики и реальной отдачи от инвестиций. Существующие исследования не позволяют оценить влияние внутренних

вызовов (демография, координация акторов) и внешней конкурентной среды (особенно со стороны Южной Кореи) на результативность японских стратегий.

В значительной части исследования охватывают либо отдельные культурные феномены, либо общие вопросы «мягкой силы», не ставя задачи целостного анализа стратегии культурного позиционирования Японии как комплексной системы с экономическими и политическими целями в контексте современных глобальных трендов. Необходимость восполнения этих пробелов определяет актуальность, цель и задачи нашего исследования.

Теоретико-методологические основы культурного позиционирования Японии

В современном мире, где прямая силовая конфронтация становится все более затратной и рискованной, на первый план выходят инструменты непрямого влияния. Способность страны привлекать и убеждать, а не принуждать, оказывается ключевым активом на международной арене. Именно здесь культура превращается из сугубо гуманитарной сферы в стратегический ресурс, тесно переплетенный с экономическими интересами и политическими амбициями. Понимание теоретических основ этого феномена – «мягкой силы», культурной дипломатии и национального брендинга – выступает необходимым условием для анализа стратегий культурного позиционирования любой страны, в том числе Японии, особенно с точки зрения их экономического эффекта.

«Мягкая сила», введенная Джозефом Наем, описывает способность добиваться желаемого через привлекательность собственной культуры, ценностей и политики, а не через принуждение или финансовые стимулы [15, с. 48]. Культурная дипломатия представляет собой более целенаправленную государственную деятельность по продвижению культуры за рубежом для улучшения взаимопонимания и влияния.

Национальный брендинг, в свою очередь, заимствует маркетинговые подходы для создания и управления целостным, привлекательным и конкурентоспособным образом страны на глобальном рынке идей, инвестиций и туристов. Япония активно использует все три подхода: ее аниме и манга генерируют «мягкую силу» органически, Японский фонд реализует программы культурной дипломатии, а кампания «Cool Japan» имеет явные черты национального брендинга, нацеленного на экономическую выгоду.

В таблице 1 наглядно демонстрируются различия и сходства между тремя ключевыми концепциями, используемыми для анализа культурного влияния. Она показывает, что «мягкая сила» выступает более широким и часто спонтанным явлением,

основанным на привлекательности, тогда как культурная дипломатия и национальный брендинг представляют собой более сфокусированные и управляемые стратегии с различными целевыми аудиториями и методами.

Понимание этих нюансов критически важно для оценки того, как Япония комбинирует эти подходы для достижения своих экономических и политических целей, например, используя привлекательность аниме («мягкая сила») для усиления эффекта от государственных программ обмена (культурная дипломатия) и туристических кампаний (национальный брендинг). Эта дифференциация позволяет выявить синергический эффект или, наоборот, возможные противоречия в общей стратегии позиционирования.

Характеристика	«Мягкая сила»	Культурная дипломатия	Национальный брендинг
Основная цель	Привлекательность, добровольное следование	Взаимопонимание, влияние, диалог	Конкурентоспособность, привлечение ресурсов
Ключевые акторы	Государство, НКО, бизнес, деятели культуры	Преимущественно государство, ассоциированные НКО	Государство, бизнес, маркетинговые агентства
Основные методы	Культурные продукты, ценности, политика	Обмены, выставки, языковые программы, гранты	Маркетинговые кампании, PR, имиджмейкинг
Фокус воздействия	Общественное мнение, элиты	Целевые аудитории (академ. круги, молодежь и т.д.)	Инвесторы, туристы, потребители, мировое сообщество
Временной горизонт	Долгосрочный	Средне- и долгосрочный	Кратко- и среднесрочный

Таблица 1. Сравнительный анализ ключевых концепций культурного влияния [10, с. 26].

Центральными для нашего исследования выступают понятия «культурное позиционирование» и «культурный имидж страны», которые описывают соответственно процесс и результат формирования восприятия государства в мировом пространстве. Культурное позиционирование – это целенаправленная стратегия по формированию и продвижению желаемого образа страны через ее культурные атрибуты, тогда как культурный имидж – это сложившееся в сознании международной аудитории представление о культуре и ценностях страны.

Эти понятия неразрывно связаны с экономическими и политическими реалиями эпохи глобализации. Позитивный культурный имидж напрямую влияет на экономику: он повышает привлекательность страны для туристов (вспомним рост интереса к Японии после Олимпиады в Токио или благодаря популярности японской кухни), стимулирует экспорт товаров и услуг (от автомобилей Toyota до игр Nintendo, воспринимаемых как часть инновационной культуры), привлекает иностранные инвестиции и таланты.

Как отмечает Е. Катасонова, поп-культура стала для Японии важным инструментом не только культурной, но и экономической экспансии [8, с. 58]. В политическом плане благоприятный имидж способствует укреплению доверия, облегчает построение альянсов и повышает международный престиж и влияние страны.

Таблица 2 иллюстрирует тесное переплетение и взаимоусиление культурной, экономической и политической сфер в процессе формирования международного образа страны. Культурные достижения Японии (от аниме до кухни) создают позитивный фон и спрос, который капитализируется экономикой через экспорт и туризм. Экономическая мощь, в свою очередь, позволяет финансировать масштабные культурные инициативы и поддерживать технологический имидж. Политические институты направляют эти процессы, используя культуру для достижения стратегических целей.

Таким образом, культурное позиционирование Японии оказывается результатом синергии усилий в этих трех ключевых областях, а не изолированной деятельности в сфере культуры. Это подчеркивает необходимость комплексного подхода при анализе японских стратегий.

Сфера	Влияние на позиционирование	Пример (Япония)
Культура	Формирует уникальный образ, ценности, создает продукты для экспорта, привлекает «мягкой силой»	Аниме, манга, традиционные искусства (икебана, чайная церемония), японская кухня (Washoku), философия дзен.
Экономика	Обеспечивает ресурсы для культурных проектов, создает глобальные бренды, демонстрирует инновации	Финансирование «Cool Japan», глобальный успех Sony, Toyota, Nintendo, технологическое лидерство.
Политика	Определяет стратегические цели позиционирования, использует культуру как инструмент дипломатии	Государственная поддержка культурного экспорта (METI), программы Японского фонда (MOFA), спортивная дипломатия.

Таблица 2. Взаимосвязь культуры, экономики и политики в контексте глобального позиционирования [17, с. 37].

Основные акторы формирования и продвижения культурного имиджа Японии

Формирование и продвижение культурного имиджа страны – сложный, многоуровневый процесс, в котором участвует широкий круг акторов с различными интересами и ресурсами. В случае Японии, этот ландшафт особенно интересен из-за тесного переплетения государственных инициатив, мощной корпоративной культуры и активного гражданского общества. Анализ ролей и взаимодействия этих ключевых игроков – государственных ведомств, частного бизнеса, некоммерческих организаций и отдельных творческих личностей – позволяет понять механизмы создания и распространения японского культурного влияния, а также оценить потенциал и ограничения существующих стратегий с точки зрения их экономической и политической результативности.

Государственные институты играют основополагающую роль в разработке стратегий культурного позиционирования, обеспечении их финансирования и создании институциональной инфраструктуры для продвижения японской культуры за рубежом. Именно государство определяет приоритетные направления, координирует усилия различных ведомств и использует культуру как инструмент для достижения внешнеполитических и экономических целей.

Координирующая и направляющая функция государства проявляется в деятельности целого ряда министерств и агентств. Министерство иностранных дел (MOFA) отвечает за культурную дипломатию в целом, используя культурные обмены для укрепления международных связей [2]. Министерство экономики, торговли и промышленности (METI) фокусируется на продвижении креативных индустрий как важного сектора экспорта в рамках стратегии «Cool Japan» [3]. Агентство по делам культуры занимается сохранением и популяризацией как традиционного, так и современного культурного наследия, а Японский фонд (Japan Foundation) выступает ключевым оператором, реализующим конкретные программы – от языковых курсов и выставок до поддержки переводов и организации гастролей [1].

Таким образом, государственные структуры формируют стратегическую рамку и обеспечивают необходимые ресурсы для систематического продвижения японской культуры на мировой арене. Они создают условия для того, чтобы культурные достижения страны работали на укрепление ее «мягкой силы», улучшение имиджа и на достижение конкретных экономических результатов, таких как рост экспорта культурной продукции и

услуг, увеличение туристического потока и привлечение иностранных инвестиций в креативные сектора. Без этой государственной поддержки и координации многие инициативы были бы фрагментарными и менее эффективными.

Таблица 3 наглядно демонстрирует разделение функций и сфер ответственности между основными государственными институтами, вовлеченными в культурное позиционирование Японии. Мы видим, что MOFA отвечает за общую дипломатическую рамку, METI – за экономическую составляющую и связь с индустриями, Агентство по делам культуры – за сохранение и продвижение самого культурного контента, а Японский фонд выступает главным практическим исполнителем программ обмена. Такое распределение ролей подчеркивает комплексный подход государства, стремящегося использовать культуру как для политического влияния, так и для экономического развития. Показатели всей системы во многом зависят от координации усилий этих ключевых ведомств.

Актеры	Основные функции и задачи	Примеры деятельности
Министерство иностранных дел (MOFA)	Культурная дипломатия, международные культурные соглашения, общественная дипломатия	Финансирование Японского фонда, культурные мероприятия в посольствах, программы обмена (JET)
Министерство экономики, торговли и промышленности (METI)	Продвижение креативных индустрий («Cool Japan»), поддержка экспорта контента, связь с бизнесом	Разработка стратегии «Cool Japan», поддержка аниме-игровых студий, международные выставки
Агентство по делам культуры (Bunka-cho)	Сохранение и популяризация культурного наследия (традиционного и современного), авторское право	Включение объектов в список наследия ЮНЕСКО, поддержка музеев, фестивалей искусств
Японский фонд (The Japan Foundation)	Международный культурный обмен, преподавание японского языка, интеллектуальный обмен	Сеть культурных центров (Japan House), гранты, стажировки, гастроли, переводы литературы

Таблица 3. Ключевые государственные актеры в культурном позиционировании Японии [4].

Наряду с государством, важнейшую, а во многом и определяющую роль в формировании и глобальном распространении культурного имиджа Японии играют негосударственные актеры: частные корпорации, некоммерческие организации (НКО) и

отдельные деятели культуры. Именно они создают большую часть того культурного контента, который формирует современное восприятие Японии, и обеспечивают его проникновение на мировые рынки.

Динамизм частного сектора – это сердце японской культурной экспансии. Медиагиганты (как Sony Music, Toho), издательства манги (Shueisha, Kodansha), студии аниме (Ghibli, Toei Animation), разработчики видеоигр (Nintendo, Square Enix, Konami, модные бренды (Uniqlo, Comme des Garçons) не только производят популярный во всем мире контент и продукты, но и активно выстраивают глобальные сети дистрибуции и маркетинга [14]. Их коммерческие стратегии, ориентированные на получение прибыли, оказываются чрезвычайно эффективным инструментом продвижения японской культуры.

С точки зрения Н.Н. Изотовой, именно разнообразие и качество культурных кодов, воплощенных в этих продуктах, обеспечивают их привлекательность [9, с. 93]. НКО и отдельные энтузиасты (художники, писатели, музыканты, кураторы, переводчики-любители) также вносят неоценимый вклад, развивая нишевые направления, организуя фестивали, поддерживая фан-сообщества и обеспечивая «сарафанное радио», которое часто опережает официальные каналы.

Феномен, метко названный Дугласом МакГреем «Gross National Cool»¹, подчеркивает органическую природу роста глобальной привлекательности японской поп-культуры, которая изначально развивалась во многом стихийно, опережая государственные стратегии, такие как «Cool Japan» [16]. Аниме, манга и японские видеоигры находили свою аудиторию за рубежом благодаря усилиям энтузиастов, фансообществ и отдельных дистрибьюторов.

Таким образом, «Gross National Cool» – это не столько результат целенаправленной политики, сколько констатация факта: Япония стала глобальным экспортером культурных трендов, чья привлекательность генерируется самим контентом и его потребителями. Понимание этого изначального «низового» успеха важно для оценки того, насколько государственные и корпоративные стратегии смогли эффективно использовать этот уже существующий потенциал.

Но помимо «низового уровня» роль в глобальном распространении и коммерческом успехе японской поп-культуры в значительной степени определяется стратегиями крупных

¹ Буквально переводится как «грубая национальная крутизна» – прим. ред.

медиакорпораций и развитием глобальных сетей дистрибуции. Именно бизнес-структуры обеспечивают масштабирование, профессиональную локализацию и маркетинг культурных продуктов, превращая нишевый интерес в массовый спрос. Этот процесс включает в себя активную деятельность японских и международных медиагигантов. Японские компании, такие как Sony (через Aniplex и покупку стриминговых сервисов вроде Crunchyroll и Funimation), Kadokawa, Nintendo, Bandai Namco и др. активно инвестируют в производство контента, лицензирование прав на глобальные рынки и создание собственных платформ дистрибуции.

Международные игроки, вроде Netflix и Amazon Prime Video, также играют огромную роль, закупаая права на показ аниме и даже инвестируя в производство оригинальных японских сериалов и фильмов. Как отмечает Н.В. Бирюков, такая коммерциализация и адаптация контента для международной аудитории является ключевым фактором его популярности, но может вести к определенной стандартизации [5, с. 82].

Таким образом, негосударственные акторы обеспечивают креативность, разнообразие и рыночную жизнеспособность японского культурного предложения. Их деятельность, основанная на творческой инициативе и коммерческом интересе, дополняет и зачастую превосходит по охвату государственные программы. Синергия между государственной поддержкой (например, в защите интеллектуальной собственности или содействии экспорту) и динамизмом частного сектора и гражданского общества становится ключом к успеху японского культурного позиционирования и его конвертации в экономические активы, такие как доходы от экспорта контента, лицензирования и связанного туризма.

В таблице 4 систематизированы роли различных типов негосударственных акторов в продвижении культурного имиджа Японии. Она наглядно показывает, что крупные корпорации обеспечивают массовость и глобальный охват, МСБ вносит инновации и разнообразие, НКО поддерживают традиции и низовые связи, а отдельные творческие личности создают культурный продукт и выступают его знаковыми представителями.

Подобное разделение труда демонстрирует многогранность японского культурного ландшафта и важность вклада каждого типа акторов – их совместные усилия, основанные как на коммерческих интересах, так и на творческом порыве, генерируют значительную часть «мягкой силы» и экономического потенциала японской культуры.

Тип актора	Основной вклад	Примеры
Крупные корпорации	Производство и глобальная дистрибуция массовой культуры, технологий, моды	Sony (музыка, кино, игры), Nintendo (игры), Toyota (технологии), Shueisha (манга), Uniqlo (мода)
Малый и средний бизнес (креативный сектор)	Инновации, нишевые продукты, гибкость	Независимые студии аниме, дизайнерские ателье, крафтовые производители, издатели додзинси
Некоммерческие организации (НКО)	Поддержка традиционных искусств, международные обмены на низовом уровне, фан-сообщества	Ассоциации мастеров (икебана, чайная церемония), общества дружбы, культурные фестивали, фан-клубы
Отдельные деятели культуры и искусства	Создание произведений, формирование трендов, экспертиза, «лицо» культуры	Хаяо Миядзаки (аниме), Харуки Мураками (литература), Рюити Сакамото (музыка), архитекторы, шеф-повара

Таблица 4. Роль негосударственных акторов в культурном позиционировании Японии [13, с. 191].

Таким образом, основными акторами, формирующими и продвигающими культурный имидж Японии, выступают: государственные институты (MOFA, METI, Агентство по делам культуры, The Japan Foundation), мощные частные корпорации (особенно в креативных индустриях), активные некоммерческие организации и влиятельные деятели культуры. Успех японского культурного позиционирования во многом зависит от взаимодействия и синергии между ними. Понимание ролей и взаимосвязей этих игроков становится необходимым условием для анализа конкретных инструментов и механизмов позиционирования, которые будут рассмотрены далее.

Инструменты и механизмы реализации стратегий культурного позиционирования Японии

Центральное место в современной политике занимает стратегия «Cool Japan», инициированная преимущественно Министерством экономики, торговли и промышленности (METI), представляющая собой не просто программу культурного обмена, а целенаправленную государственную политику по капитализации культурных активов страны. Ее ключевая цель – превратить привлекательность японской культуры (от аниме до кухни) в драйвер экономического роста и усиления международного влияния.

В основе стратегии лежит идея о том, что культурные индустрии становятся перспективным сектором экономики, способным генерировать существенный доход и создавать рабочие места, особенно в условиях стагнации традиционных отраслей [3]. Для достижения этой цели создан специальный фонд Cool Japan Fund (официально – Overseas Demand Development Support Fund), финансируемый как государством, так и частными инвесторами, который вкладывает средства в проекты, способствующие продвижению японского контента, продуктов и услуг за рубежом. Примеры инвестиций включают поддержку платформ для дистрибуции аниме, финансирование открытия японских ресторанов и магазинов за границей, участие в международных выставках моды и дизайна. Это явно демонстрирует экономическую подоплеку стратегии.

Таким образом, «Cool Japan» – это попытка государства систематизировать и усилить экспорт культурной продукции, рассматривая культуру как ценный экономический ресурс и инструмент национального брендинга. Однако, как отмечает А. Матосян, такой прагматичный подход вызывает дискуссии о соотношении коммерциализации и сохранения аутентичности культуры [11].

Таблица 5 систематизирует ключевые элементы стратегии «Cool Japan», раскрывая ее многоаспектный характер. Отчетливо видно, что стратегия имеет выраженные экономические цели (рост экспорта, рынка), опирается на конкретные приоритетные индустрии (от аниме до гастрономии) и использует смешанную модель финансирования через специализированный фонд. Указание на ответственные ведомства подчеркивает межминистерский характер инициативы, хотя ведущая роль METI указывает на экономическую направленность.

Компонент	Характеристика	Примеры инициатив и инструментов	Ответственное ведомство/организация (ключевые)
Цели	Экономический рост, увеличение экспорта креативных индустрий, усиление «мягкой силы»	Достижение целевых показателей по объему рынка креативных индустрий, рост въездного турпотока	МЕТІ, Кабинет министров
Приоритетные	Медиа и контент (аниме, манга, игры, кино), мода, дизайн, еда (Washoku), туризм,	Поддержка создания и локализации контента, продвижение японской кухни, участие в Неделях моды	МЕТІ, Министерство сельского хозяйства (MAFF)
Финансирование	Государственный бюджет, частные инвестиции, деятельность Cool Japan Fund	Инвестиции фонда в зарубежные проекты (ритейл, медиа, рестораны), государственные субсидии	Министерство финансов, Cool Japan Fund
Инфраструктура	Создание и поддержка платформ для продвижения, координация усилий	Cool Japan Fund, культурные центры (Japan House), поддержка международных фестивалей и выставок	МЕТІ, MOFA, Японский фонд

Таблица 5. Основные компоненты государственной стратегии «Cool Japan» [20, с. 76].

Параллельно с реализацией амбициозной и экономически ориентированной стратегии «Cool Japan», японское государство продолжает активно использовать и развивать более традиционные инструменты культурной дипломатии: образовательные и обменные программы, деятельность культурных центров, поддержку переводов и организацию некоммерческих культурных мероприятий.

Ярким примером стала программа JET (Japan Exchange and Teaching Programme), через которую десятки тысяч молодых людей со всего мира получили возможность работать и жить в Японии, становясь впоследствии неформальными «послами» японской культуры в своих странах [2]. Сеть культурных центров Japan House (в Лондоне, Лос-Анджелесе, Сан-Паулу), управляемых Японским фондом, представляет собой современные площадки для комплексного знакомства с японской культурой – от выставок и лекций до гастрономии и шопинга [4]. Поддержка переводов японской литературы и организация гастролей театральных трупп или музыкальных коллективов играют важную роль в повышении доступности японской культуры для международной аудитории. С точки зрения Н. Отмазгина, такие государственные интервенции, направленные на инфраструктуру и доступность, могут быть более результативны в долгосрочной перспективе, чем прямые инвестиции в коммерческий сектор [18, с. 42].

Наряду с феноменом «Cool Japan», основанным на современной массовой культуре, стратегия культурного позиционирования Японии уделяет значительное внимание продвижению своей многовековой культуры: театр Но и Кабуки, чайная церемония, икебана, боевые искусства (будо) – механизмы этого продвижения разнообразны. Через Агентство по делам культуры и Японский фонд государство поддерживает зарубежные гастроли традиционных театров, организует выставки каллиграфии и керамики, спонсирует мастер-классы по икебанае и чайной церемонии в культурных центрах Japan House [1; 4]. Проводятся международные турниры и семинары по дзюдо, карате, кендо. Согласно А.А. Борисовой, история распространения традиционных искусств на Западе показывает устойчивый интерес к ним как к альтернативе западным культурным моделям [7, с. 118].

Таким образом, продвижение традиционной культуры создает важный противовес образу, формируемому поп-культурой, демонстрируя многогранность Японии. Оно создает имидж страны с богатой историей, утонченной эстетикой и глубокой философией, что повышает ее престиж и привлекательность. Экономический эффект проявляется не только в прямых доходах от гастролей или продажи сувениров, но и в стимулировании особого вида туризма – культурно-познавательного, а также в создании устойчивого спроса на товары, связанные с традиционными ремеслами и практиками, поддерживая тем самым соответствующие отрасли внутри страны.

Японская гастрономия («Washoku») и продвижение образа «аутентичной» Японии через туризм оказываются мощнейшими и взаимосвязанными инструментами культурного

позиционирования, напрямую стимулирующими экономику. Признание Washoku объектом нематериального культурного наследия ЮНЕСКО стало важным этапом в глобальном брендинге японской кухни.

Стратегия реализуется через активную «гастродипломатию» и целенаправленные туристические кампании. Японские посольства и культурные центры организуют дегустации sake и региональных блюд, кулинарные мастер-классы. Японская национальная туристическая организация (JNTO) активно использует гастрономическую привлекательность в своих рекламных кампаниях, продвигая туры по регионам с акцентом на местную кухню. Одновременно JNTO и региональные власти создают образ «аутентичной» Японии, предлагая туристам уникальный опыт: проживание в традиционных гостиницах рекан, посещение горячих источников онсэн, участие в местных фестивалях (мацури), знакомство с ремеслами. Этот образ подкрепляется продвижением таких понятий, как японский минимализм в дизайне, стремление к гармонии (концепция «ва»), философия икигай (поиск смысла жизни).

Так, гастрономия и поиск «аутентичности» становятся ключевыми драйверами въездного туризма в Японию, принося значительные доходы в бюджет страны и регионов. Растет мировой спрос на японские продукты питания и напитки. Формируется устойчивый образ Японии как страны со здоровым образом жизни, высоким качеством продуктов, уникальной эстетикой и возможностью получить неповторимые впечатления. Интеграция традиционной культуры в современные реалии, как отмечается в работе А.А. Борисовой, позволяет создавать привлекательные туристические продукты, сочетающие историю и комфорт [6, с. 352]. Этот комплексный подход превращает культурное наследие и гастрономию в ценные экономические активы.

Вызовы, противоречия и перспективы культурного позиционирования Японии

Результативность японских стратегий культурного позиционирования, несмотря на их видимые успехи, ограничивается рядом внутренних проблем и противоречий. К ним относятся недостаточная координация между ключевыми акторами, разрыв между продвигаемым образом и внутренней реальностью, а также скептицизм и критика внутри самой Японии в отношении государственных инициатив.

Эти проблемы многогранны. Различные министерства (METI, MOFA, Агентство по делам культуры) и Японский фонд не всегда действуют согласованно, что может приводить

к дублированию усилий или распылению ресурсов. Критики стратегии «Cool Japan» внутри страны указывают на непрозрачность распределения средств Cool Japan Fund, сомнительную экономическую отдачу от некоторых проектов и чрезмерное вмешательство бюрократии в креативные процессы [18, с. 43]. Кроме того, существует заметный разрыв между «классным» и динамичным образом, транслируемым вовне, и реальными социальными проблемами Японии – старением населения, жесткой корпоративной культурой, гендерным неравенством, что может подрывать доверие к продвигаемому имиджу [12].

Таким образом, внутренние вызовы создают существенные препятствия для полной реализации потенциала культурного позиционирования. Недостаточная координация снижает общую эффективность и экономическую отдачу от вложенных средств. Разрыв между образом и реальностью может привести к разочарованию у тех, кто знакомится со страной ближе и ослабить долгосрочный эффект «мягкой силы». Преодоление этих проблем требует не только улучшения межведомственного взаимодействия, но и более честного и сбалансированного представления страны, а также пересмотра подходов к государственной поддержке культуры, возможно, с большим акцентом на создание благоприятной среды, а не на прямое финансирование контента.

В таблице 6 представлен систематизированный анализ ключевых внутренних вызовов, стоящих перед стратегиями культурного позиционирования Японии. Эффективность усилий по продвижению японской культуры на международной арене ограничивается рядом факторов, требующих пристального внимания и стратегической корректировки. В частности, проблемы с координацией между ведомствами, разрыв между внешним имиджем и внутренней реальностью (включая демографические вызовы), а также критика конкретных государственных инициатив, таких как «Cool Japan», остаются существенными препятствиями. Эти факторы могут снижать общую результативность прилагаемых усилий, приводить к неоптимальному использованию ресурсов и подрывать доверие к национальному бренду.

Проблемная область	Специфические проявления	Влияние на эффективность / Экономику
Координация акторов	Недостаточная согласованность между METI, MOFA, Bunka-cho, Японским фондом; слабое взаимодействие государства и бизнеса/НКО	Распыление ресурсов, дублирование функций, противоречивые сигналы вовне; снижение синергетического эффекта; упущенные возможности для частно-государственного партнерства
Разрыв «Образ vs. Реальность»	Имидж «Cool Japan»vs. демографические проблемы (старение), социальная ригидность, гендерное неравенство	Снижение доверия к имиджу при близком знакомстве; репутационные риски; потенциальное разочарование туристов, инвесторов, студентов
Критика Стратегии «Cool Japan»	Сомнения в эффективности Cool Japan Fund; бюрократизация; фокус на коммерции в ущерб культуре; недостаточная отдача	Неэффективное использование бюджетных средств; возможное отторжение со стороны креативного сообщества; трудности в измерении реального экономического эффекта
Демографические и социальные факторы	Старение населения, сокращение рабочей силы; консервативные социальные нормы	Ограничение потенциала креативных индустрий (нехватка кадров); несоответствие внутреннего климата продвигаемому образу динамичности и открытости

Таблица 6. Внутренние вызовы и противоречия в культурном позиционировании Японии [18, с. 43].

Помимо внутренних проблем, японские стратегии культурного позиционирования находятся под давлением внешних факторов, прежде всего – усиливающейся международной конкуренции и необходимости адаптации к быстро меняющемуся цифровому ландшафту и геополитической обстановке. Успешное преодоление этих внешних вызовов становится критически важным для сохранения и увеличения позиций.

Япония сталкивается с серьезной конкуренцией со стороны других стран, активно инвестирующих в свою «мягкую силу», особенно в Азии. Феномен южнокорейской «Халлю» (K-Wave) – глобальный успех К-поп, дорам, кино – остается наиболее ярким примером, напрямую конкурирующим с японской поп-культурой за внимание мировой аудитории и долю рынка креативных индустрий. Китай также наращивает свои усилия по продвижению культуры и инвестирует в глобальные медиа. Кроме того, цифровая трансформация требует постоянной адаптации: необходимо осваивать новые платформы,

использовать инструменты ИИ в создании и продвижении контента, работать с инфлюенсерами. Наконец, как указывает Свен Саалер, нерешенные исторические вопросы с соседями могут негативно сказываться на восприятии японской культуры в регионе и затруднять дипломатические усилия [19, с. 57].

Следовательно, для сохранения конкурентоспособности и эффективности своих стратегий Японии необходимо постоянно продуцировать все новые и новые продукты культуры, совершенствоваться, адаптироваться и стратегически реагировать на внешнюю среду. Это включает не только создание привлекательного контента, но и освоение передовых цифровых технологий для его продвижения, более гибкое реагирование на запросы глобальной аудитории и, возможно, более дифференцированный подход к позиционированию в разных регионах мира с учетом геополитической специфики и конкурентной среды. Неспособность адаптироваться к этим внешним вызовам может привести к снижению влияния японской культуры, сокращению ее экономической доли на мировом рынке и ослаблению «мягкой силы» страны в долгосрочной перспективе.

Таблица 7 систематизирует ключевые внешние вызовы, стоящие перед японской стратегией культурного позиционирования, и намечает необходимые направления для адаптации. Она подчеркивает давление со стороны международных конкурентов (особенно из Азии), необходимость освоения цифровых технологий и учета сложного геополитического контекста, а также важность реагирования на меняющиеся запросы глобальной аудитории. Результаты анализа указывают на то, что будущее успеха японской «мягкой силы» и ее экономического эффекта во многом зависит от способности страны гибко адаптировать свои стратегии, инвестировать в инновации и дифференцировать свое культурное предложение в условиях динамичной и конкурентной глобальной среды.

Внешний вызов / Перспектива	Специфические проявления / Аспекты	Необходимая адаптация / Направление развития стратегий
Международная конкуренция	Рост «K-Wave» (Южная Корея), культурная экспансия Китая, активность других стран (Турция, Индия)	Дифференциация предложения (акцент на уникальности), поиск ниш, возможные коллаборации, усиление маркетинга, защита интеллектуальной собственности
Цифровая трансформация	Новые платформы, ИИ, bigdata анализ аудитории, роль инфлюенсеров, онлайн-пиратство	Освоение новых каналов дистрибуции и продвижения, инвестиции в цифровые навыки, персонализация контента, использование ИИ, борьба с пиратством, развитие VR/AR-опыта (виртуальный туризм)

Геополитический контекст	Исторические проблемы с соседями (Корея, Китай), рост национализма в мире, торговые войны, глобальные кризисы (пандемии)	Дипломатическая чувствительность, акцент на универсальных ценностях, использование культуры для диалога, развитие онлайн-форматов обмена, гибкость и антикризисное планирование (как показано в работе)
Эволюция аудитории / Ценностей	Запрос на аутентичность, инклюзивность, социальную ответственность; фрагментация аудитории	Усиление фокуса на традиционной культуре и ценностях (но без «опошления»), продвижение экологических и социальных инициатив Японии, более таргетированные кампании, поддержка инклюзивных проектов

Таблица 7. Внешние вызовы и перспективы адаптации культурного позиционирования Японии [19, с. 57].

Таким образом, для поддержания и наращивания культурного влияния и связанного с ним экономического потенциала Японии необходимо не только развивать успешные направления, но и активно решать внутренние проблемы и гибко реагировать на меняющуюся глобальную среду.

Заключение

Анализ теоретико-методологических основ показал, что японская стратегия культурного позиционирования активно использует элементы всех ключевых концепций:

органически возникающая «мягкая сила», целенаправленная культурная дипломатия (через Японский фонд и образовательные программы) и прагматичный национальный брендинг (в рамках инициативы «Cool Japan»). Установлена неразрывная связь между культурными инициативами и экономическими интересами страны, где культура рассматривается как стратегический ресурс для стимулирования экспорта, привлечения инвестиций и развития туризма, что особенно важно в контексте национальной экономической политики.

Исследование роли ключевых акторов показало наличие сложной экосистемы, включающей государственные ведомства с четко (хотя и не всегда скоординированно) разделенными функциями (METI – экономика, MOFA – дипломатия, Bunka-cho – наследие, Japan Foundation – реализация), мощные частные корпорации, определяющие ландшафт поп-культуры и технологий, а также активные НКО и отдельных творцов. Заключим, что эффективность японского позиционирования напрямую зависит от степени синергии и согласованности действий разнородных акторов, тогда как их недостаточная координация остается одним из ключевых внутренних вызовов, снижающих общую результативность.

Анализ государственных инструментов выявил двуединый подход: амбициозная, но подвергаемая критике стратегия «Cool Japan» с явным экономическим фокусом и использованием рыночных механизмов (Cool Japan Fund) соседствует с более традиционными, долгосрочными инструментами культурной дипломатии (программы обмена JET, сеть Japan House).

Комплексная оценка эффективности японских стратегий привела к выводу об их значительной, но неоднородной результативности. Япония успешно использует широкий спектр культурных ресурсов для достижения экономических и имиджевых целей, демонстрируя успехи как в продвижении поп-культуры, так и традиционного наследия. Однако общий эффект сдерживается рядом факторов, требующих внимания и корректировки для полной реализации потенциала.

Выявлены существенные внутренние вызовы: недостаточная координация между государственными и негосударственными акторами, заметный разрыв между продвигаемым позитивным имиджем и сложными социальными реалиями (старение населения, гендерные вопросы), а также внутренняя критика эффективности и прозрачности государственных инициатив, таких как «Cool Japan». Эти проблемы могут приводить к неоптимальному использованию ресурсов и снижению доверия к национальному бренду.

К внешним вызовам, требующим стратегической адаптации, отнесены прежде всего усиливающаяся конкуренция со стороны других стран, особенно Южной Кореи с ее феноменом «K-Wave», необходимость освоения новых цифровых платформ и инструментов продвижения, а также сложный геополитический контекст, включая исторические вопросы с соседями. Способность Японии гибко реагировать на эти вызовы, дифференцировать свое предложение и эффективно использовать цифровые технологии определит ее будущие успехи.

Япония разработала и применяет сложную, многоуровневую систему культурного позиционирования, которая приносит значительные экономические и имиджевые плоды. Однако для повышения ее результатов и устойчивости в долгосрочной перспективе требуется преодоление внутренних противоречий, улучшение координации акторов, большая адаптивность к меняющейся глобальной среде и, возможно, более сбалансированный подход, гармонизирующий экономические амбиции с сохранением культурной аутентичности и решением реальных социальных проблем.

Библиографический список:

1. Агентство по делам культуры Японии (Agency for Cultural Affairs) [Электронный ресурс] // Bunka. Режим доступа: <https://www.bunka.go.jp/english/> (дата обращения: 02.10.2025).
2. Министерство иностранных дел Японии (MOFA) – Public Diplomacy [Электронный ресурс] // MOFA. Режим доступа: https://www.mofa.go.jp/policy/culture/public_diplomacy/ (дата обращения: 02.10.2025).
3. Министерство экономики, торговли и промышленности Японии (METI) - Cool Japan Strategy [Электронный ресурс] // METI. Режим доступа: https://www.meti.go.jp/english/policy/mono_info_service/creative_industries/cool_japan_strategy.html (дата обращения: 02.10.2025).
4. Японский фонд [Электронный ресурс] // The Japan Foundation. Режим доступа: <https://www.jpf.go.jp/e/> (дата обращения: 02.10.2025).
5. Бирюков Н.В. Японская массовая культура как инструмент культурной дипломатии и особенности ее восприятия в российской Федерации // Межкультурный диалог в современном мире. СПб: ООО «Скифия-принт», 2022. С. 81-84.

6. Борисова А.А. Интеграция традиционной японской культуры в современные культурные реалии // Россия и Восток. К 300-летию СПбГУ. СПб: Русская христианская гуманитарная академия им. Ф.М. Достоевского, 2023. С. 352-353.
7. Борисова А.А. Традиционные искусства Японии в странах Запада: история распространения и перспективы // Университетский научный журнал. 2022. № 68. С. 115-120.
8. Катасонова Е. Япония: поп-дипломатия и поп-культура // Мировая экономика и международные отношения. 2009. № 2. С. 56-63.
9. Коды японской культуры: монография / Н.Н. Изотова; под редакцией Т.М. Гуревич. М.: МГИМО-Университет, 2021. 301 с.
10. Матосян А.Э. Культурная дипломатия Японии как стратегия мягкого присутствия // Русская политология. 2020. 4(17). С. 24-27.
11. Матосян А.Э. Мягкая сила и Cool Japan: формирование национального имиджа Японии // Международные отношения. 2025. №1. С. 45-56.
12. Aoyagi C. Guilt, Gender, and Work-Life Balance in Japan: A Choice Experiment [Электронный ресурс] / С. Aoyagi, A. Munro // IMF Working Paper. 2019. Режим доступа: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=3523136 (дата обращения: 02.10.2025).
13. Iwabuchi K. Cool Japan, creative industries, and diversity // Re-imagining creative cities in twenty-first century Asia. London: Palgrave Macmillan Cham, 2020. Pp. 187-199.
14. Konami Creative Center Ginza: Soon to be Completed Overview of the On-site Multiuse esports Complex [Электронный ресурс] // Konami. Режим доступа: https://www.konami.com/ir/en/ir-data/groupreport/2020_3m/pdf/05.pdf (дата обращения: 01.04.2025).
15. McGray D. Japan's Gross National Cool // Foreign Policy Magazine, 2002. No. 130. Pp. 44-54.
16. McGray D. Japan's Gross National Cool [Электронный ресурс] // Foreign Policy. Режим доступа: <https://foreignpolicy.com/2009/11/11/japans-gross-national-cool/> (дата обращения: 02.10.2025).
17. Mandujano Y. The Politics of Selling Culture and Branding the National in Contemporary Japan: Economic Goals, Soft-power and Reinforcement of the National Pride // Scientific Journal of Humanistic. 2013. No. 5 (9). Pp. 31-41.

18. Otmazgin N. State Intervention Does Not Support the Development of the Media Sector: Lessons from Korea and Japan // Global Policy. 2020. No. 11(2). Pp. 40-46.

19. Saaler S. Japan's Soft Power and the 'History Problem' // Remembrance - Responsibility - Reconciliation: Challenges for Education in Germany and Japan. London: Springer. 2022. Pp. 45-66.

20. Salsabila N. The Implementation of Cool Japan Strategy during Covid-19 Pandemic / N. Salsabila, I. Akbar // Journal of International and Local Studies. 2023. No. 7(2). Pp. 74-79.

Zakrzewski A.A. Strategies for Japan's positioning in the global cultural space in the 21st century

A set of strategies for positioning Japan in the global cultural space is considered. The key strategies, tools, mechanisms and actors of Japan's cultural positioning have been identified, as well as an assessment of their development prospects. The methodological basis of the work was the principles of a systematic approach and comparative analysis. It is shown that Japan uses a complex, multi-level cultural positioning system, which brings significant economic and image benefits. However, in order to increase its effectiveness, it is necessary to overcome a number of internal and external challenges. The results of the work contribute to the development of Japanese studies, the theory of international relations and research in the field of cultural policy and economics.

Keywords: Japan, branding, positioning strategies, cultural space, image, soft power.

УДК 539.16

А.Г. Колесников

Нейтронная физика: генезис и перспективы развития (Часть 2)

Аннотация:

Раскрыта история нейтронной физики, охватывающая период от предпосылок ее возникновения до современных дней. На формирование нейтронной физики как самостоятельной дисциплины оказали влияние не только научные законы развития, но и феномен особого исследовательского духа, которым наделены отдельные ученые. Освещены наиболее важные события, повлиявшие на теоретические сдвиги нейтронной физики в XX в. Сделан вывод о возможных перспективах ее дальнейшего развития в XXI в.

Ключевые слова: атомная физика, молекулярная физика, ядерная физика, радиоактивность, ядерная техника, ядерная (атомная) энергетика, атомная промышленность.

Об авторе: Колесников Александр Георгиевич, Объединенный институт ядерных исследований (ОИЯИ), ведущий инженер Научно-экспериментального отдела комплекса спектрометров (НЭОКС) ИБР-2 Лаборатории нейтронной физики; Государственный университет «Дубна», заведующий лабораторией вакуумного напыления Инжинирингового центра университета «Дубна»; эл. почта: torgcentr2004@mail.ru

Во второй половине 1930-х гг. Европу охватил нацизм. Это серьезно повлияло на работу, жизнь и мировоззрение многих ученых. Например, итальянский ученый Э. Ферми, жена которого была еврейкой, в 1939 г. тайно эмигрировал в США. Покинули Германию такие видные ученые, как немецкие физики еврейского происхождения Лиза Майтнер и Альберт Эйнштейн. После оккупации Франции Ирен и Фредерик Жолио-Кюри вошли во французское Движение Сопротивления.

В 1934 г., еще в Италии, Э. Ферми открыл принцип замедления нейтронов, а в 1935 г. Ирен и Фредерик Жолио-Кюри доказали получение новых радиоактивных элементов, образующихся при облучении медленными нейтронами. Они не подозревали, что сделали

первый шаг навстречу ядерной опасности. Хотя научную мысль не остановить, ведь этим же в нацистской Германии занимались Отто Ган и Фриц Штрассман, которые в декабре 1938 г. в результате эксперимента пришли к выводу, что облучение урана медленными нейтронами приводит к распаду ядра урана с образованием легких элементов [8].

Куда исчезала разность в массах элементов? Физическое обоснование потери массы было опубликовано в отдельной статье Лизы Майтнер, где предполагалось образование реакции с каскадным распадом ядер до образования легких элементов, разлетающихся с огромной энергией [14]. Величину этой энергии обосновал А. Эйнштейн, показавший, что потеря массы m в соответствии с формулой $E=mc^2$ связана с мгновенным выделением энергии E (c – скорость света). Это открытие вызвало большое волнение в научном сообществе и целую лавину публикаций и исследований, посвященных цепной реакции деления ядер. Многие физики начали обсуждать возможность цепной реакции. Если всякий раз, когда нейтрон расщепляет атом урана, испускались новые нейтроны, то они могли бы, сталкиваясь с другими атомами урана, порождать новые нейтроны и тем самым вызвать незатухающую цепную реакцию. Поскольку при каждом делении урана высвобождается большое количество энергии, цепная реакция могла бы сопровождаться мгновенным выделением колоссальной энергии. Если бы удалось «взнуздать» цепную реакцию, то уран стал бы взрывчатым веществом неслыханной силы. С этого момента был запущен маховик создания взрывчатого вещества гигантской разрушительной силы – оружия массового уничтожения – началась разработка ядерного оружия.

24 апреля 1939 г. профессор Гамбургского университета Пауль Хартек обратился в германское Имперское военное министерство с письмом, в котором сообщал, что, основываясь на опытах О. Гана и Ф. Штрассмана, можно создать новый вид высокоэффективного взрывчатого вещества. В конце письма говорилось, что «та страна, которая первой сумеет практически овладеть достижениями ядерной физики, приобретает абсолютное превосходство над другими» [11]. В 1930-х гг. немецкие физики имели самый большой потенциал в развитии ядерной физики. Самым выдающимся физиком-теоретиком Германии того времени был В. Гейзенберг. От физиков-перебежчиков из Германии и от разведки как США, так и СССР стало известно о чудовищных планах нацистской Германии. Авторитет немецкой ядерной физики во всем мире был столь высок, что и в Англии, и в США, и в СССР всерьез опасались плодов изобретательности «сумрачного германского гения» [15]. Серьезнее всего эту опасность восприняли в США и Англии. Завершилась

эпоха открытости научных знаний. Началась эпоха закрытости и научного шпионажа: так, в 1939 г. Управление армейских вооружений Германии наметило создание нового оружия, засекреченные работы в этом направлении получили название «Урановый проект». В это же время в США создается секретная лаборатория по разработке атомной бомбы с кодовым названием «Металлургическая» с участием группы Э. Ферми.

В СССР в 1939 г. советские физики, взволнованные надвигающейся опасностью, начали интенсивные исследовательские работы. Одними из первых Ю. Харитон и Я. Зельдович рассчитали цепную реакцию урана-235 и необходимость его обогащения, а в 1940 г. К. Петржак и Г. Флеров под руководством И. В. Курчатова открыли явление спонтанного деления ядер урана. Параллельно и независимо в Германии эти же расчеты выполнил В. Гейзенберг, а в США подобные расчеты были сделаны Э. Ферми в мае 1941 г.

Результаты расчетов показывали необходимость обогащения урана-235 до 90% (природный уран содержит лишь 0,75% урана-235, остальное – уран-238). Для получения необходимого для заряда бомбы 60 кг обогащенного урана-235 необходимо переработать 10-15 тонн природного металлического урана. Кроме того, расчетами было показано, что уран-238 поглощает избыточные медленные нейтроны, превращаясь в плутоний-239, который при распаде выделяет много больше энергии, чем уран-235. Было показано, что с помощью управляемой само-поддерживаемой цепной ядерной реакции можно получить из природного урана более мощный в оружейном понимании плутоний-239. Тем не менее оставалось много неясностей в расчетах, требующих проведения подтверждающих экспериментов, поэтому сначала наметилась необходимость в получении устойчивой управляемой цепной реакции. Это требовало создания опытного уранового ядерного реактора.

«Манхэттенский проект»

Решение задачи обогащения по урану-235 и задачи получения оружейного плутония требовали разработки новых технологических решений и огромных затрат, в том числе и квалифицированных людских ресурсов. Поэтому в 1941 г. США и Англия объединяют усилия и принимают решение о немедленном выделении средств и начале создания ядерного оружия в строжайшей секретности. Об этом знает только узкий круг лиц, включая президента США Франклина Рузвельта и премьера Англии Уинстона Черчилля.

Создание реактора по расчетам Э. Ферми требовало наличия металлического природного урана высокой чистоты, оксида урана и высочайшей очистки прессованного в

брикеты графита. И все это в очень больших объемах. Промышленность США и Англии начала работать нарастающими темпами. К осени 1942 г. в США уже было преодолено большинство технологических барьеров, исследования оказались одобрены правительством, ученые получили в свое распоряжение достаточное количество высоко очищенного графита, природного металлического урана и его окиси.

В феврале 1943 г., после проведения запланированных опытов, «Чикагская поленница» была разобрана. На основании обретенного опыта были построены промышленные реакторы для получения оружейного плутония-239. Для обогащения по урану-235 были построены в большом количестве обогатительные фабрики, основанные на газодиффузионном методе. Проект по созданию атомной бомбы передали под начало военных, и он получил название Манхэттенский проект, в рамках которого в марте 1943 г. начала работу Лос-Аламосская лаборатория, где в условиях тотальной секретности и под неусыпным надзором контрразведки трудились ведущие специалисты-ядерщики со всего света (в том числе двенадцать нобелевских лауреатов).

«Урановый проект» Германии

В нацистской Германии все началось с совещания в Управлении армейских вооружений в сентябре 1939 г., на котором был собран звездный состав ученых-физиков: Пауль Хартек, Ганс Гейгер (впоследствии покинувший Германию), будущие лауреаты Нобелевской премии по физике Вальтер Боте, Вернер Гейзенберг и др. Ученые заверили, что для создания ядерного оружия им может понадобиться от 9 до 12 месяцев, то есть физики обещали сделать атомную бомбу к концу 1940 г. [5]. Программу назвали «Урановый проект». Теоретическую группу «Уранового проекта» фактически возглавлял Гейзенберг, разрабатывающий теоретические основы цепной реакции. Над созданием «урановой машины» – опытного реактора, сосредоточился Вайцзеккер с группой участников.

Поздней весной 1940 г. был проведен первый опыт осуществления цепной реакции, с использованием оксида урана и твердого графитового замедлителя, который окончился неудачей. Виной всему посчитали неправильные расчеты Боте. Сейчас известно, что проблема была в плохой очистке графита. В результате немецкие физики перешли на использование вместо графита тяжелой воды. В 1941 г. в Лейпцигском университете под руководством Георга Депела был построен опытный реактор с замедлителем из тяжелой воды. В мае 1942 г. удалось достичь производства нейтронов в количестве, превышающем их поглощение, что только намекало на цепную реакцию. Однако через несколько недель

реактор взорвался. На совещании военного руководства и ученых в 1942 г. Гейзенберг заявил, что решение проблемы займет как минимум два года. Затянувшаяся война и особенно поражение гитлеровцев под Сталинградом привели к серьезному изменению настроений верхушки Третьего Рейха. Гитлер настаивал на финансировании тех военных разработок, которые могли быть реализованы в кратчайшие сроки. Поэтому в марте 1943 г. Управление вооружений сухопутных сил передало работу над проектом в ведение гражданского имперского исследовательского совета, что фактически поставило крест на этом проекте. Вместе с тем полноценной цепной реакции на экспериментальном реакторе немецким ученым все же удалось достичь, но только в феврале 1945 г.

Как же могло случиться, что Германия, изначально лидирующая в ядерных исследованиях, не дошла до создания атомной бомбы? Одной из причин считают сам нацистский режим, который мешал развитию науки и свободному творчеству физиков, научный потенциал которых пострадал после отъезда Эйнштейна и других видных ученых, покинувших страну после победы нацистов на выборах в 1933 г. Некоторые оставшиеся физики работали без большого энтузиазма. Другая причина – ошибочный выбор в качестве замедлителя тяжелой воды. Кроме этого, диверсии и бомбардировки уничтожали большие объемы тяжелой воды, урана и другие ресурсы. Нацистская Германия, ведущая войну, не могла выделить на проект ресурсы в таких масштабах, как это делали в США. В американском проекте «Манхэттен», посвященном разработке ядерного оружия, принимало в полторы тысячи раз больше людей, чем в немецком «Урановом проекте», а финансирование в 200 раз превышало суммы Третьего рейха.

Урановый проект СССР

Работам, активно начатым Ю. Харитоном и Я. Зельдовичем, следовал энергичный В. А. Маслов, сотрудник Харьковского физико-технического института, предложивший в августе 1940 г. ускорить работы по «проблеме урана» и резко увеличить объемы добычи урансодержащих руд. Он же подал в октябре 1940 г. секретную заявку на изобретение атомной бомбы под названием: «Об использовании урана в качестве взрывчатого вещества». Но председатель государственной комиссии по проблеме урана, директор Радиевого института АН СССР, академик В.Г. Хлопин 17 апреля 1941 г. в письме в Управление военно-химической защиты народного комитета обороны СССР утверждал: «Положение с проблемой урана в настоящее время таково, что практическое использование внутриатомной энергии является более или менее отдаленной целью, к которой мы должны

стремиться, а не вопросом сегодняшнего дня» [5, с. 228]. Впоследствии академик В.Г. Хлопин с горечью отмечал, что за весь 1941 г. задание по добыче солей урана в СССР составляло всего 0,5 тонн, в то время как в мире, по его данным, ежегодно добывалось 250...275 тонн металлического урана.

Нападение Нацистской Германии на Советский Союз вызвало немедленную приостановку ядерных исследований в нашей стране. Уже в первые месяцы боевых действий возникла угроза Ленинграду и Москве, поэтому решением правительства СССР основные институты, занимавшиеся проблемами ядерной физики, во второй половине лета 1941 г. были эвакуированы в Казань.

В.А. Маслов добровольцем ушел на фронт и погиб в одном из боев. Сделавший открытие мирового класса Г.Н. Флеров также добровольно отправился в военкомат и был направлен техником в разведывательную авиационную эскадрилью.

Основные теоретики ЛФТИ, в том числе будущие академики А.П. Александров и И.В. Курчатов в этот период переключились на решение важнейшей для военно-морского флота проблемы – защиты кораблей от магнитных мин. Ю.Б. Харитон, специалист по теории взрыва, изучал трофейные образцы вооружения, принимал участие в разработке физических основ отечественных кумулятивных боеприпасов и, в частности, ручной противотанковой кумулятивной гранаты РПГ-6, поступившей на вооружение в 1943 г.

Таким образом, исследования по ядерной проблематике в СССР с началом войны были практически свернуты. Но почти через год после начала боевых действий интерес к ним вновь усилился по нескольким причинам. Во-первых, убежденность в том, что создание ядерной бомбы и ее появление в руках противника принесет неисчислимые беды. Во-вторых, высокая активность в форсировании работ по урановому проекту развил Г.Н. Флеров, неоднократно обращавшийся с письмами в различные инстанции: «...нужно все время помнить, что государство, первое осуществившее ядерную бомбу, сможет диктовать всему миру свои условия. И мы не должны допустить этого» [16]. В-третьих, вскоре после нападения Германии на Советский Союз, отечественные разведорганы стали получать информацию «из первых рук» об осуществлении англо-американского ядерного проекта.

На решение о возобновлении в СССР работ по урану повлияла найденная в апреле 1942 г. у убитого партизанами немецкого офицера тетрадь с записями, формулами и графиками по урановой тематике и эмоциональное публичное выступление Гитлера о подготовке немцами «сверхоружия». В мае 1942 г. С.В. Кафтанов, уполномоченный

Государственного комитета обороны СССР по науке, заручившись поддержкой академика А. Ф. Иоффе, направил в ГКО письмо о необходимости создания в СССР научного центра по проблеме атомного оружия.

В июле 1942 г. в Москву были вызваны Г.Н. Флеров, А.Ф. Иоффе, В.И. Вернадский, В.Г. Хлопин и П.Л. Капица. Сталин назначил куратором урановой проблемы от ГКО В.М. Молотова. Ответственность за развертывание работ возлагалась на академика А.Ф. Иоффе, которому предписывалось «организовать при Академии наук специальную лабораторию атомного ядра» [6, с. 269], названную Лабораторией №1 АН СССР. Впоследствии эти функции были переданы И. В. Курчатову, который сделал вывод о том, что в исследованиях проблемы урана советская наука значительно отстала.

В конце января 1943 г. Курчатов направил Молотову план работы спецлаборатории атомного ядра. Работы начинались практически с нуля. В письме, направленном Сталину 19 мая 1944 г., М. Г. Первухин констатировал: «Чтобы догнать границу, мы должны поставить разработку проблемы урана на положение важнейшего государственного дела» [15]. Камнем преткновения для развертывания работ на первом этапе функционирования лаборатории стала нехватка урана. Для этого требовалось широко развернуть геологоразведочные работы по отысканию урановых месторождений в СССР, что было сделано в кратчайшие сроки. Постепенно И.В. Курчатов собирает вокруг себя выдающихся ученых страны, понимая, что иначе Атомный проект осуществить не удастся [9].

Разведывательные материалы

Осенью 1941 г. на связь с советскими разведчиками по собственной инициативе вышел Клаус Фукс, работающий в группе теоретиков, участвовавших в решении ядерной проблемы в Великобритании, а в 1944 г. вошел в число разработчиков «Манхэттенского проекта». В 1933 г. К. Фукс, будучи членом компартии, покинул Германию. Работая в Великобритании, он считал, что стремление английского и американского правительств скрыть от СССР, своего союзника, факт начала работ по созданию ядерного оружия свидетельствовало о том, что эти работы были направлены против страны, в тот момент выступающей единственным противником нацистской Германии на континенте. Материалы для передачи он получал потрясая просто: печатал на машинке свои отчеты через копирку, получая дополнительный экземпляр [19].

Гражданин США Морис Козн, сотрудничавший по идейным соображениям с советской разведкой в годы войны и передававший информацию по атомному проекту, был

выходцем из эмигрантской еврейской семьи. Леонтина Петка, ставшая его женой 22 июня 1941 г., происходила из польских католических эмигрантов. В 15-летнем возрасте она уже вступила в Социалистическую партию, а позже перешла в Коммунистическую. К моменту знакомства с Моррисом она полностью укрепилась в своих взглядах, но даже выходя замуж, не знала о том, что ее супруг стал советским шпионом [22]. Когда Морис предложил жене работать вместе, Леонтина не раздумывая согласилась. В Центре их знали под псевдонимами «Луис» и «Лесли». За их плечами множество важной информации, среди которых передача не только чертежей, но и рабочей модели нового пулемета. В 1943 г. Моррис завербовал ученого, получившего псевдоним Персей, из лаборатории ядерного центра в Лос-Аламосе, где команда Роберта Оппенгеймера работала над созданием атомной бомбы. В августе 1943 г. Леонтина в почти детективной опасной операции, впоследствии названной «коробочка с салфетками», вывезла чертежи и расчеты атомных разработок и первой американской плутониевой бомбы «Толстяк» [10].

Персей раскрыл секрет обогащения урана и принцип работы бомбы – имплозию. Он же сообщил информацию о точной дате первого испытания атомной бомбы. За свою работу супруги Коэны, пусть и посмертно, получили звание Героев России. Подобных источников было много, например, Владимир Борисович Барковский, «Кембриджская пятерка» – группа из нескольких высокопоставленных чиновников в разведывательных и дипломатических кругах Великобритании, и др. И.В. Курчатов подчеркивал, что полученные от разведки материалы позволили избежать многих ошибок, пройти ряд этапов, не занимаясь ими самостоятельно, что значительно сократило время разработки ядерного оружия [7].

Немецкие специалисты в атомном проекте СССР

В начале 1945 г., когда советские войска вступили на территорию Германии, был организован секретный поиск немецких ученых и специалистов с целью изучения степени разработанности проблемы использования внутриатомной энергии урана и возможности применения их опыта в работах по урану в Советском Союзе. Присутствие немецких специалистов в СССР держалось в строжайшей тайне. Всего в СССР для работы по атомной проблематике было приглашено более 300 немцев, включая членов их семей [12]. Большая часть немецких ученых принудительно была эвакуирована из Берлина и Восточной Германии в Западную и Южную Германию и попала в руки американцев и англичан (в

частности, Ган, Гейзенберг, Герлах, Дибнер, Боте, Ляуе). В советскую зону оккупации попала лишь меньшая часть.

Осенью 1945 г. в подмосковный город Электросталь прибыла группа захваченных немецких ученых во главе с ученым с мировым именем, корифеем урановой металлургии Николаусом Рилем [17]. К концу 1946 г. завод поставлял Курчатовской лаборатории № 2 почти по 3 тонны металлического урана в неделю с нарастанием темпов производства. С 1945 по 1950 гг. Риль возглавлял производство металлического урана на заводе № 12. В 1949 г. он, единственный награжденный столь высоким званием иностранец, стал Героем Социалистического труда.

Первый ядерный реактор в СССР

Теоретические и экспериментальные исследования особенностей пуска, работы и контроля реактора были проведены группой физиков и инженеров под руководством академика И. В. Курчатова. В отличие от американского реактора CP-1, Реактор Ф-1 (что расшифровывалось как «физический первый») предназначался не только для определения критической массы урана-235, но и для долгосрочного проведения различных исследований, обосновывающих сооружение промышленных уран-графитовых реакторов, в том числе для производства оружейного плутония, получения изотопов для использования в медицинских и научных целях и для многих других целей.

По мере поступления материалов с предприятий началось моделирование сборки активной зоны реактора. С большим энтузиазмом днем и ночью, в армейских палатках, научные сотрудники, лаборанты и рабочие собирали графитовые призмы с ураном, проводили десятки физических экспериментов, по которым уточнялись физические параметры реактора, изучали характеристики урановых блоков, выбирали их оптимальные размеры. Из различных вариантов был выбран гетерогенный реактор, где уран располагается отдельными блоками между замедлителем реакции, в качестве которого использовался графит.

25 декабря 1946 г. был собран 62 слой графитовых блоков и стало ясно, что реактор достиг критичности. Этот момент считается временем пуска реактора Ф-1. Практически с первого же дня реактор стали эксплуатировать в круглосуточном режиме при мощности от 100 Вт до 10 МВт [21]. В октябре 1947 г. на реакторе была обучена первая группа инженеров для управления работой атомного реактора, были проведены многочисленные исследования в области ядерной физики, необходимые для создания атомных

электрических станций, и натурные испытания аппаратуры безопасности. В 2012 г. реактор был заглушен¹.

Атомно-бомбовый шок. Эра ядерного сдерживания

После поражения Германии США и Британия пытались диктовать СССР свои условия, и, не добившись успеха, 5 марта 1946 г. в Фултоне Уинстон Черчилль в присутствии президента США Гарри Трумэна произнес свою знаменитую речь о «железном занавесе», который разделил Европу на два враждебных лагеря. Речь положила начало Холодной войне, направленной против СССР, находящейся в тяжелом послевоенном состоянии.

6 и 9 августа 1945 г. США сбросили атомные бомбы на Хиросиму и Нагасаки, что привело к гибели сотен тысяч людей и разрушению городов. Эти события стали символом ужасающей силы ядерного оружия и его способности уничтожать целые нации. Мир содрогнулся от осознания того, что теперь есть инструмент, способный стереть с лица земли все живое. Общее число жертв бомбардировки Хиросимы оценивалось примерно в 200 тысяч, а Нагасаки – в 140 тысяч гражданских жителей.

Основной целью атак была демонстрация атомной мощи США и влияние на СССР перед его вступлением в войну с Японией на Дальнем Востоке. Однако в СССР знали о готовящемся преступлении США, поэтому, независимо от этих событий, 9 августа 1945 г. советские войска начали освобождение Китая от японских захватчиков и менее чем через месяц, 2 сентября 1945 г. ВС СССР на Дальнем Востоке завершили Маньчжурскую стратегическую наступательную операцию, в ходе которой были освобождены северо-восточные территории Китая, северная часть Кореи, Южный Сахалин и Курильские острова.

Для усиления давления на СССР в 1948 г. США произвели еще три новых экспериментальных подрыва ядерных боеприпасов. Но 29 августа 1949 г. на Семипалатинском полигоне в Казахстане было произведено испытание первой советской атомной бомбы РДС-1, которое стало не только триумфом советской науки, но и важным событием, изменившим баланс сил в мире.

¹ Более 60-лет реактор Ф-1 находился в рабочем состоянии. 26 декабря 2016 г. в здании, где он размещался, был открыт музей. Сегодня реактор Ф-1 имеет статус памятника науки и техники Российской Федерации.

Монополия США на владение ядерным оружием была разрушена. Над созданием атомной бомбы при высоком напряжении работали коллективы лучших ученых-физиков того времени. Хотя конструкция бомбы во многом опиралась на американские прототипы, многие системы принадлежали уже собственной разработке. Это событие ознаменовало ядерную гонку. Уже в 1951 г. США произвели 16 атомных взрывов. Эксперименты были направлены на получение при минимальных размерах максимальной мощности взрыва и приближали эру термоядерного оружия.

12 августа 1953 г. на полигоне под Семипалатинском Советский Союз впервые провел успешные испытания водородной бомбы РДС-бс, созданной под руководством А.Д. Сахарова. В ноябре 1955 г. там же провели испытание более мощной бомбы.

С первых шагов ядерной гонки в обеих странах акцент был сделан прежде всего на программах опытных взрывов. Их проведение необходимо для совершенствования зарядов и увеличения их мощности. 28 января 1954 г. в США было взорвано экспериментальное термоядерное устройство мощностью 15 мегатонн (Мт) в тротиловом эквиваленте и следом еще два – 11 и 13,5 Мт. Для сравнения: на Хиросиму была сброшена бомба мощностью 13–18 килотонн, а на Нагасаки – 21 килотонна, которые полностью уничтожили города. Игра мускулами требовала информационной поддержки, и 7 апреля 1954 г. был выпущен документальный кинофильм, производящий сильное впечатление на мощь американского оружия.

Однако 30 октября 1961 г. на Северном испытательном полигоне Новая Земля был испытан термоядерный заряд мощностью 100 Мт в варианте 50 Мт (из опасений возникновения экологической катастрофы мощность снизили), разработанный в КБ-11 под руководством А.Д. Сахарова. Эта бомба с маркировкой АН602 (она же «Царь-бомба», она же «Кузькина мать») стала самым мощным взрывным устройством, созданным за всю историю человечества [1]. Среди последствий испытания фиксировалась сейсмическая волна от взрыва, которая трижды обогнула земной шар; а в поселке, находившемся за 400 километров от эпицентра взрыва, разрушены деревянные дома и сорваны крыши у каменных зданий; на сотни километров вокруг прервалась радиосвязь; в радиусе 50 км от эпицентра все горело, хотя перед взрывом лежал двухметровый снег.

Взорванная бомба никогда не являлась оружием и военного значения не имела. Это был акт разовой силовой демонстрации. Испытание «Царь-бомбы» стало ключевым фактором, позволившим Советскому Союзу обеспечить ядерно-оружейный паритет с

США. Установившееся сбалансированное ядерное противостояние между США и СССР определило мирное состояние международных отношений на длительный период, несмотря на гонку вооружений и перманентную угрозу ядерной войны. Но именно непрерывное развитие отечественной ядерной триады гарантирует ответный удар по США при любых сценариях, и это страхует мир от прямого конфликта двух держав.

Мирный атом

26 июня 1954 г. в СССР запускается первая в мире атомная электростанция – Обнинская АЭС. В ходе проектирования и сооружения атомной станции ученым, конструкторам и инженерам приходилось решать множество задач, к которым раньше никто даже не подступался. Обнинская АЭС – не просто электростанция, она стала испытательным полигоном, на котором прорабатывались детали будущих станций¹.

Благодаря активности МАГАТЭ, ядерные реакторы для мирных целей получили широкое распространение с конца 1950-х гг. Это был период бурного развития ядерного реакторостроения. Тогда все страны хотели иметь устройства для выработки энергии или производства радиоактивных веществ – это считалось признаком научно-технической и экономической мощи, и уже через десять лет каждая индустриально развитая страна имела или стремилась иметь свой реактор [2].

Источники для нейтронных исследований

Первые ядерные реакторы, помимо решения задач реакторной техники и физики, использовались для радиационных исследований и производства изотопов, используя выведенный из реактора пучок нейтронов. Нейтроны, обладая волновыми свойствами и нейтральным зарядом, способны проникать глубоко в материал вещества подобно рентгеновским лучам, но взаимодействуют не с электронными оболочками атомов, как рентген, а с ядрами атомов. В зависимости от длины волны нейтроны способны давать информацию о внутреннем содержании металлических сосудов, внутреннем составе сварных швов, структуре биомолекул, кристаллической структуре кристаллов, в том числе металлических и их магнитной структуре, изотопном составе вещества и многое другое, недоступное рентгеновским исследованиям [18]. Усиливающийся интерес к нейтронным

¹ Сегодня прямо в стенах Первой АЭС расположен музей, один из самых посещаемых в Калужской области. А город Обнинск стал мировым центром ядерного образования.

исследованиям сегодня связан с огромными зондирующим возможностям нейтронов, которые до сих пор полностью не реализованы.

Уже через три года после открытия нейтрона, летом 1935 г. группа Колумбийских ученых Дж. Даннинг, Дж. Пеграм, Дж. Финк и Д. Митчелл вместе с Э. Сегре сконструировала и запустила механический прерыватель (селектор скоростей) для медленных нейтронов, который сегодня представляет собой, как правило, вращающийся вокруг своей оси полнотелый цилиндр из поглощающего нейтроны материала с вырезанным каналом или поглощающий нейтроны диск с вырезанным сектором [4].

М. И. Певзнер – ученый, который первым использовал прерыватель нейтронного пучка в Институте атомной энергии (ИАЭ). По его инициативе в 1944 г. создан первый механический селектор с одноканальным временным анализатором, который выполнен из набора кадмиевых пластин по типу, предложенному в то время Э. Ферми, позволяющий выделять монохроматический пучок нейтронов (имеющих одну длины волны). Эти работы положили начало нейтронной спектроскопии, где используются волновые свойства нейтронов. Непрерывный поток нейтронов с помощью селектора разделяется на периодические импульсные пучки нейтронов. Дальнейшее разделение нейтронов по длинам волн достигается применением нескольких длинных каналов нейтронпроводов (длиной до 200 м, иногда (ИБР-30) до 1000 м). Нейтроны с большей длиной волны движутся с меньшей скоростью и достигают исследуемого образца позже. Пучок нейтронов растягивается и может разделяться по длинам волн в зависимости от времени пролета. Импульсные пучки нейтронов формировались начиная с самых первых ядерных реакторов [20].

Исследовательские источники непрерывного потока нейтронов реакторного типа создаются на основе ядерных реакторов и формируют непрерывный поток нейтронов, как и первые реакторы. Недостатком формирования импульсных пучков из непрерывного потока нейтронов от реактора является потеря более 90% нейтронов. Однако такой путь получения нейтронных пучков до сих пор является удобным и оправданным, поскольку сохраняет возможность одновременного использования непрерывного потока нейтронов в других каналах выполнять производство изотопов, облучение материалов, накопление ультрахолодных нейтронов, используя монохроматические селекторы.

Идея об источниках нейтронов на основе пульсирующего реактора выдвинута в 1955 г. Д.И. Блохинцевым, ставшим в 1956 г. директором только что образованного в Дубне

Международного центра ядерных исследований (впоследствии Объединенного института ядерных исследований – ОИЯИ). Идея основана на первом в мире импульсном реакторе, построенном в одной из Лос-Аламосских лабораторий США. На экспериментах, проведенных в январе 1945 г. физиком Отто Фришем с сотрудниками, впервые получена контролируемая вспышка мгновенных нейтронов за счет сближения на короткое время двух кусков урана-235, один из которых падал с шестиметровой высоты по специальным направляющим и с большой скоростью пролетал мимо второго, имеющего специальное открытое отверстие. В известном смысле О. Фриш дразнил атомную бомбу. Установка «Дракон» проработала всего 3,5 недели, за которые было произведено 537 успешных вспышек [13].

Через четыре года идея Д.И. Блохинцева силами Физико-энергетического института имени А.И. Лейпунского (ФЭИ) и ОИЯИ проект был выполнен. Реактор построили в Лаборатории нейтронной физики (ЛНФ) ОИЯИ под руководством академика И.М. Франка. Первый в мире специализированный импульсный (пучковый) ядерный реактор нейтронов, теория создания которого разработана в 1956 г. И. И. Бондаренко и Ю. Я. Стависским, был запущен 23 июня 1960 г. С этого времени начинается современный этап развития нейтронной физики. Это был первый в мире пульсирующий реактор, названный ИБР (Импульсный Быстрый Реактор). Весьма полезными для изучения свойств нейтрона оказались ультрахолодные нейтроны, открытые экспериментально в 1968 г. в Дубне, они позволили провести наиболее точные измерения времени жизни нейтрона. Исследования различных веществ с помощью рассеяния нейтронов оказались настолько информативными и существенными, что со второй половины 60-х гг. в научных центрах мира начали создавать источники нейтронов, уже специально ориентированные на пучковые эксперименты на основе реакторов [18].

После успеха Дубны многие пытались реализовать принцип ИБР для создания пульсирующего реактора большей мощности, но отказывались, сталкиваясь с радиационно-опасными техническими трудностями. Удачное решение нашли только ученые ОИЯИ, и Россия является единственной в мире страной, предложившей, реализовавшей и развивающей идею пульсирующих реакторов. Не прекращая работу ИБР-30, буквально в нескольких шагах строился новый, в 500 раз более мощный источник нейтронов реактор ИБР-2 средней мощностью 2 Мвт (1000 Мвт в импульсе), запущенный 10 февраля 1984 г. Столь высокая мощность обеспечивалась введением системы охлаждения реактора на

основе натриевого теплоносителя и вращающимися никелевыми отражателями, формирующими при прохождении мимо реактора цепную реакцию и периодические импульсы выброса пучка нейтронов длительностью до 4 микросекунд с частотой повторения импульсов 50 Гц. После успешной 20-летней работы и выработки ресурса важных частей, 25 декабря 2006 г. ИБР-2 остановили и перевели в режим модернизации.

Эксплуатация этих реакторов стала основой для исследований в области физики конденсированных сред, материаловедения и биологии, а их развитие способствовало созданию уникальных нейтронных источников, таких как модернизированный ИБР-2М [3]. За несколько лет на той же площади специалисты ОИЯИ создали по существу новый пульсирующий реактор периодического действия ИБР-2М, не уступающий мировым существующим источникам нейтронов по генерации пучка тепловых нейтронов в импульсе, составляющем мощность до 2000 Мвт (более 10^{16} нейтронов на см^2 за секунду) при длительности 250 мкс и частотой повторения импульсов 5 Гц. И сейчас ИБР-2М остается одним из самых интенсивных источников нейтронов, при этом экономичной и относительно дешевой машиной.

Перспектива развития источников нейтронов

Научный интерес к нейтронным исследованиям стремительно нарастает. Расширяются разделы наук, где используются нейтронные исследования. Современная тенденция состоит в расширении исследований, связанных с биологией, медициной, экологией, науками о Земле, что означает рост потребностей в нейтронных исследованиях и новых материалах. Для новых исследований требуются все более интенсивные источники нейтронов. Высокие интенсивности нейтронных потоков позволяют решить очень многие задачи физики твердого тела и ряд фундаментальных проблем ядерной физики.

С начала 1990-х гг. строительство новых реакторных источников нейтронов остановлено и, в силу выработки ресурса, их число неуклонно уменьшается. В то же время наблюдается значительный прогресс в ускорительной технике, которая имеет большие перспективы. В первую очередь это связано с тем, что нет каких-либо весомых преимуществ реакторов перед ускорителями.

Однако главная проблема заключается в отрицательном отношении общественности к любым системам, содержащим делящиеся материалы. Поэтому следующий этап в создании интенсивных источников нейтронов связан с использованием ускорителей с энергиями протонов, измеряемыми многими ГэВ, несмотря на их высокую стоимость. Для

создания таких источников будут создаваться коллективные центры, объединяющие группы стран. Сегодня ожидаемы как совершенствование существующих источников нейтронов, так и поисковые исследования создания лазерных и плазменных источников. Наконец, логика развития источников нейтронов должна привести к более эффективным бустерам с делящимся веществом.

Библиографический список:

1. Адамский В.Б. Сверхмощные ядерные взрывы в США и СССР как проявление научно-технической и государственной политики в годы холодной войны / В.Б. Адамский, Ю.Н. Смирнов, Ю.А. Трутнев // История советского атомного проекта. Документы. Воспоминания. Исследования. Выпуск 2; под ред. В.П. Визгина. СПб: РХГИ, 2002. С. 163-183
2. Аксенов В.Л. Нейтронная физика на пороге XXI века // Физика элементарных частиц и атомного ядра. Т. 31, № 6. 2000. С. 1303-1342.
3. Аксенов В.Л. Пульсирующий ядерный реактор ИБР-2М // Наука в России. №1. 2011. С. 20-24.
4. Амальди Э. Воспоминание об исследованиях искусственной радиоактивности и свойств нейтрона, проводившихся в Римском университете в 1934–1936 гг. // Нейтрон. Предыстория. Открытие. Последствия. М.: Наука. 1975. С. 23-52.
5. Астафьева Е. Атомная бомба Гитлера [Электронный ресурс] // Интернет-журнал «Дилетант – исторический журнал для всех». Режим доступа: <https://diletant.media/articles/38267239/> (дата обращения: 01.10.2025).
6. Атомный проект СССР: документы и материалы: [в 3 т.] / Под общ. ред. Л.Д. Рябева; Т. 1. 1938-1945. Часть 1. М.: Наука. Физматлит, 1998. 423 с.
7. Барковский Владимир Борисович // Сайт службы внешней разведки Российской Федерации. Режим доступа: <http://www.svr.gov.ru/history/person/bar.htm> (дата обращения: 01.10.2025).
8. Ган О. О доказательстве существования и свойствах щелочноземельных металлов, возникающих при облучении урана нейтронами. (перевод) / О. Ган, Ф. Штрассман // Нейтрон. Предыстория, открытие, последствия. М.: Наука. 1975. С. 162-164.
9. Губарев В.С. Белый архипелаг. Несколько малоизвестных страниц из истории создания а-бомбы // Наука и жизнь. №7. 2000. С. 27-32.

10. Долгополов Н. Атомная бомба в коробке с салфетками // Родина. 2024. №9. С. 62-67.
11. Иойрыш А.И. К. А-бомба / А.И. Иойрыш, И.Д. Морохов, С.К. Иванов. М.: Наука, 1980. 424 с.
12. Кузнецов В. Немцы в советском атомном проекте-2 [Электронный ресурс] // Ежедневное интерактивное издание «Завтра.ру». Режим доступа: <https://zavtra.ru/blogs/nemtsyi-v-sovetskom-atomnom-proekte-2> (дата обращения: 01.10.2025).
13. Ломидзе В.Л. Импульсные ядерные реакторы. М.: Знание, 1982. 64 с.
14. Майтнер Л. Расщепление урана нейтронами: новый тип ядерной реакции / Л. Майтнер, О. Фриш; Пер. В. Я. Френкеля // Нейтрон. К пятидесятилетию открытия. М.: Наука, 1983. С. 302-305.
15. Медведь А.Н. К истории создания первой отечественной ядерной бомбы // журнал «Двигатель». 2009. № 4(64). С. 62.
16. Медведь А.Н. К истории создания первой отечественной ядерной бомбы // Двигатель. 2009. №3 (63). С. 58.
17. Мелешина Д. Воспоминания электростальцев о немецких специалистах, которые работали в Атомном проекте в Электростали, Богородск-Ногинск [Электронный ресурс] // Богородское краеведение. Режим доступа: <https://www.bogorodsk-noginsk.ru/articles/vospominaniya-elektrostalcev-o-nemeckix-specialistax-kotorye-rabotali-v-atomnom-proekte-v-elektrostali.html> (дата обращения: 01.10.2025).
18. Франк А.И. Фундаментальные свойства нейтрона // Успехи физических наук. 1982. Т. 137, № 1. С. 6-37.
19. Фукс Клаус [Электронный ресурс] // Сайт службы внешней разведки Российской Федерации. Режим доступа: <http://www.svr.gov.ru/history/person/fx.htm> (дата обращения: 01.10.2025).
20. Шабалин Е.П. Современные высокоинтенсивные импульсные источники нейтронов // Нейтрон: К пятидесятилетию открытия. М.: Наука, 1983. С. 209-225.
21. Яцишина Е.Б. Физический первый: 75 лет первому в Евразии ядерному реактору Ф-1 (интервью кор. Янина Хужина) // В мире науки: Атомная энергетика. 2021. №12. С. 70-79.

22. 50 лет любви супругов-шпионов, укравших атомную бомбу для СССР: Леонтина и Моррис Коэн [Электронный ресурс] // Культурология.ру. Режим доступа: <https://kulturologia.ru/blogs/020522/53197/> (дата обращения: 01.10.2025).

Kolesnikov A.G. Neutron Physics: Genesis and Prospects of Development (Part 2)

The history of neutron physics is revealed, covering the period from the prerequisites of its emergence to the present day. The formation of neutron physics as an independent discipline was influenced not only by the scientific laws of development, but also by the phenomenon of a special research spirit possessed by individual scientists. The most important events that influenced the theoretical shifts in neutron physics in the 20th century are highlighted. The conclusion is made about the possible prospects of its further development in the 21st century.

Keywords: atomic physics, molecular physics, nuclear physics, radioactivity, radioactive decay, nuclear technology, nuclear (atomic) energy, nuclear industry, applied nuclear physics.

УДК 316

А.Д. Фролова

Индонезия и БРИКС+: проблемы и перспективы сотрудничества

Аннотация:

Рассмотрен процесс вступления Индонезии в расширенное объединение БРИКС в контексте формирования многополярного мира. Подчеркнута геополитическая роль Индонезии как крупнейшего экономического игрока Юго-Восточной Азии, ее вклад в экономический рост региона и влияние на баланс сил в глобальной и региональной геополитике. Отмечены потенциальные выгоды и вызовы для Индонезии и БРИКС, связанные с расширением организации и интеграцией новых членов. Сделан вывод об особенностях экономической интеграции, торговых связей и стратегического положения страны.

Ключевые слова: Индонезия, БРИКС, международное сотрудничество, Юго-Восточная Азия, геополитика, многополярный мир.

Об авторе: Фролова Анна Дмитриевна, МГУ им М.В. Ломоносова студент кафедры информационного обеспечения внешней политики; эл. почта: annafrolova080901@mail.ru

Научный руководитель: Репина Екатерина Анатольевна, МГУ им. М.В. Ломоносова, кандидат филологических наук, доцент кафедры информационного обеспечения внешней политики, эл. почта: repina69@mail.ru

Введение. В условиях глобальной трансформации миропорядка и усиления роли многополярных структур особое значение приобретает анализ геополитического влияния ключевых стран-участниц объединения БРИКС. Индонезия – крупнейшая экономика Юго-Восточной Азии (ЮВА) и один из ведущих игроков в Азиатско-Тихоокеанском регионе (АТР) – представляет собой стратегически важного партнера для стран БРИКС. Ее вхождение в объединение способно в долгосрочной перспективе существенно изменить баланс сил не только внутри самого БРИКС, но и в Юго-Восточной Азии. Индонезия

осуществляет контроль над ключевыми морскими путями – Малаккским проливом, Южно-Китайским морем, а большие запасы природных ресурсов делают ее важным субъектом мировой политики.

Методология исследования базируется на интеграции комплексного междисциплинарного подхода, включающего геополитический, экономический и политологический анализ наряду со сравнительным и прогностическим методами. Применение геополитического анализа позволяет выявить пространственно-структурные аспекты влияния Индонезии в системе международных отношений, оценить ее стратегическое положение в Юго-Восточной Азии и роль в обеспечении региональной безопасности.

Экономический анализ направлен на изучение динамики макроэкономических показателей, структуры торговых потоков, инвестиционной привлекательности и особенностей участия Индонезии в глобальных цепочках добавленной стоимости.

Политологический анализ способствует раскрытию механизмов институционального взаимодействия, особенностей внешнеполитического позиционирования и стратегий интеграции в новые международные альянсы.

Сравнительный метод применяется для сопоставления индонезийского опыта с аналогичными кейсами других государств – как внутри БРИКС, так и за его пределами, что позволяет выявить типовые черты интеграционных процессов.

Прогностический подход реализуется посредством построения сценариев развития событий, оценки возможных траекторий экономического и политического взаимодействия Индонезии с БРИКС и прогнозирования потенциальных эффектов для региональной и глобальной архитектуры международных отношений.

Элементы case-study используются при рассмотрении конкретных примеров торгово-экономического и дипломатического сотрудничества Индонезии с государствами БРИКС, а дискурсивный анализ – для выявления особенностей риторики официальных заявлений и стратегических документов.

Предпосылки создания БРИКС

В современном развитии международных отношений значительную роль в последние годы играет международная межправительственная организация БРИКС, выступающая объектом пристального внимания и широкой дискуссии в отечественной и зарубежной научной и учебной литературе. БРИКС выступает неформальным

объединением, которое можно охарактеризовать как «глобальный форум партнерского диалога» лидеров развивающихся экономик мира. Создание БРИКС стало результатом объективных процессов в современной международной системе и потребности в установлении диалога между ведущими государствами незападного мира, что позволило бы им координировать свою политику и совместными усилиями отстаивать национальные интересы в условиях глобализации [2].

Образованию организации в 2009 г. предшествовала встреча на уровне министров экономики Бразилии, России, Индии и Китая (БРИК) в рамках Петербургского международного экономического форума в июне 2006 г. В сентябре того же года «на полях» 61-й сессии Генеральной ассамблеи ООН в Нью-Йорке состоялась встреча министров иностранных дел России, Бразилии, Китая и министра обороны Индии, которые договорились развивать многовекторное сотрудничество между государствами.

В 2008 г. по итогам встречи глав внешнеполитических ведомств государств БРИК было принято совместное коммюнике, которое отражало общие позиции сторон по актуальным вопросам развития. В документе участники подчеркнули необходимость реформирования международных институтов, борьбы с терроризмом, устойчивого развития и многосторонней дипломатии [17].

Следующий важный шаг в становлении объединения был сделан летом того же года в г. Тояко (Япония): «на полях» саммита G8 по инициативе России состоялась отдельная встреча лидеров Китая, Бразилии, Индии и России. А 16 июня 2009 г. в Екатеринбурге прошел первый саммит стран БРИК, по результатам которого было принято совместное заявление лидеров: страны зафиксировали свое стремление развивать «последовательный, активный, прагматичный, открытый и транспарентный диалог и сотрудничество» [16].

Так, основу союза на первом этапе составили Бразилия, Россия, Индия, Китай. А в ходе III саммита БРИКС, проходившего в китайском городе Санья 13 – 14 апреля 2011 г., в состав БРИК был принят новый участник – Южно-Африканская Республика, что было зафиксировано в Саньянской декларации от 14 апреля 2011 г. [12]. БРИКС был образован как экономический союз наиболее сильных развивающихся экономик мира с высоким темпом роста для взаимопомощи в развитии и потенциального противостояния со стороны первой на тот момент экономики – США [1].

Создание БРИКС стало отражением объективных процессов трансформации глобальной политики, когда ключевые игроки развивающегося мира ощутили

необходимость в институализированном механизме взаимодействия. Такой формат предоставил участникам возможность скоординировано продвигать свои внешнеполитические приоритеты в условиях глобализации.

Современные государства, входящие в состав БРИКС, консолидируют общие стратегические цели, включающие формирование многополярной системы международных отношений, демократизацию глобальных институтов, трансформацию мировой финансовой архитектуры, в дополнение к обеспечению справедливого и активного участия в глобальном управлении. Вместе с тем они выступают за соблюдение принципов суверенитета и невмешательства во внутренние дела государств, оказывая поддержку странам Глобального Юга.

На XIV саммите 2022 г. в Пекине страны-участницы БРИКС сформулировали свое видение «новой эры» в мировой экономике: они предложили альтернативную концепцию глобального управления, которая должна быть более инклюзивной и менее зависимой от интересов западных стран, что будет направлено на создание более сбалансированной и справедливой системы управления, учитывающей интересы развивающихся экономик [22].

Озвученные идеи получили дальнейшее развитие на XV саммите БРИКС, состоявшемся в августе 2023 г. в Йоханнесбурге (ЮАР), где обсуждались вопросы формирования новых структур международного порядка, вместе с расширением состава группы. По результатам саммита в организацию приглашены Аргентина, Египет, Иран, Объединенные Арабские Эмираты, Саудовская Аравия и Эфиопия. Однако после президентских выборов в Аргентине «либертарианец» Х. Милей официально отказался от вступления страны в объединение, поскольку, еще будучи кандидатом в президенты, он объявил о намерении переориентировать внешнеполитический курс Аргентины с Китая и стран Латинской Америки на фоне сближения с Соединенными Штатами и Израилем [7]. Кроме того, Саудовская Аравия, несмотря на получение приглашения, официально пока так и не стала членом объединения [4].

Индонезия и БРИКС. 6 января 2025 г. в группу БРИКС в качестве полноправного участника вступила Индонезия (о чем сообщило министерство иностранных дел Бразилии), ставшая председателем объединения 1 января 2025 г. [10]. Кандидатура Индонезии была представлена и предварительно одобрена еще во время XV саммита в Йоханнесбурге. Страны-участницы БРИКС поддержали вступление Индонезии в организацию.

В частности, Китай выразил уверенность в том, что Индонезия сможет внести значительный вклад в развитие объединения [11]. В соответствии с позицией российской стороны, Индонезия представляет собой одну из крупнейших экономик Юго-Восточной Азии, а помимо этого разделяет ценности БРИКС, выступая за продвижение многостороннего сотрудничества на основе взаимного уважения, открытости, прагматизма и солидарности [6]. В Египте в свою очередь выразили надежду, что Индонезия в качестве нового участника будет принимать активное участие в работе объединения, сделав акцент на перспективах развития двусторонних отношений Каира и Джакарты [19].

Республика Индонезия выступает в качестве участника «Группы двадцати» и входит в двадцатку крупнейших экономик мира. Согласно отчету Международного Валютного фонда, она входит в пятерку самых густонаселенных государств, с 2023 г. в стране наблюдается устойчивый экономический рост, а реальный рост ВВП достиг 5,0%, что в перспективе может способствовать усилению влияния БРИКС на международной арене. Индонезия занимает лидирующие позиции в рейтинге стран-производителей пальмового масла и никеля. Помимо этого, она имеет обнадеживающие перспективы цифровизации и инвестиций [15].

Для содействия реализации целей устойчивого развития (ЦУР), национальное правительство Индонезии разрабатывает соответствующие стратегии. Наряду с Малайзией, Филиппинами, Таиландом и Вьетнамом экономисты относят Индонезию к «азиатским тиграм второй волны». Реализуя ЦУР, намеченные ООН, правительство республики придерживается четырех основных направлений развития: государственное регулирование и право, экология, социальная сфера и экономика [5]. Помимо «Группы 20» Индонезия входит в число активных участников Азиатско-Тихоокеанского экономического сотрудничества (АТЭС), Организации исламского сотрудничества (ОИС), Всестороннего регионального экономического партнерства (ВРЭП).

Нельзя не подчеркнуть роль Индонезии в деятельности Ассоциации государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН), которая определяется ее ключевым влиянием на формирование региональной повестки и институциональных процессов. Централизация организационной деятельности в Джакарте и активное участие индонезийских лидеров в выработке коллективных решений обеспечили стране статус ведущего актора в региональном сообществе. Республика выступает представителем интересов стран АСЕАН

в международных форматах, включая G20, Движение неприсоединения и непостоянное членство в Совете Безопасности ООН, что отражает ее роль в глобальной дипломатии [3].

Индонезия неоднократно выступала посредником в урегулировании территориальных и религиозных конфликтов, способствуя поддержанию стабильности в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Через платформу АСЕАН страна продвигала инициативы по созданию зоны мира, свободы, нейтралитета и безъядерной зоны, стремясь уменьшить военную зависимость региона от внешних держав и укрепить свое лидерство в Движении неприсоединения и Афро-Азиатской солидарности. По мнению депутата Совета Народных представителей Индонезии А. Ангтрайни, членство в БРИКС позволит республике значительно расширить вклад в мировую экономику и усилить взаимодействие между БРИКС и АСЕАН, способствуя интеграции региональных объединений [8].

По мнению заместителя председателя Народного консультативного конгресса (парламента) Индонезии Эдди Супарно, Республика рассматривает БРИКС как возможность стимулировать свой экономический рост на 7-8% за счет расширения ее экспортного рынка в страны Африки и Латинской Америки, расширить горизонты внешней торговли и привлечь инвестиции [9].

Более того, президент Индонезии Прабово Субианто уже заявил о стремлении государства присоединиться к Новому банку развития, созданному странами-членами БРИКС, поскольку Индонезия и НБР имеют общие приоритеты, в частности в сфере логистической инфраструктуры, цифровой связи, энергетического перехода и модернизации городов [18]. Индонезия рассчитывает обеспечивать сближение интересов развивающихся стран, прежде всего в Азиатско-Тихоокеанском регионе, и вносить свой вклад в ослабление геоэкономической и геополитической напряженности.

В условиях введенных администрацией Д. Трампа торговых пошлин Индонезийское правительство разрабатывает политику поддержки секторов, пострадавших от тарифов, установленных США. Согласно данным индонезийского Института развития экономики и финансов (Indef), Индонезия входит в число стран, затронутых тарифом в 32%, хотя в январе-феврале 2025 г. США были зарегистрированы как крупнейший источник положительного сальдо торгового баланса Индонезии (достигшее 3,1 млрд долларов США).

Ожидается, что такая протекционистская политика может привести к снижению показателей национального экспорта, включая текстиль, обувь, одежду и пальмовое масло. В этих условиях одной из главных политических мер индонезийского правительства

становится дерегулирование, направленное на снижение экономической неэффективности и повышение глобальной конкурентоспособности индонезийских товаров. Эта стратегия утверждена президентом Республики Прабово Субианто и подкреплена антициклическими мерами правительства, направленными на смягчение внутренних последствий напряженности в мировой торговле.

Посредством дерегуляции Индонезия стремится ускорить заключение Соглашения о всеобъемлющем экономическом партнерстве между Индонезией и Европейским союзом (IEU–СЕРА), что обеспечит расширенный доступ к европейским рынкам. Кроме того, ожидается, что подобная политика будет способствовать увеличению экспорта индонезийской продукции на рынки стран БРИКС [13].

В частности, Джакарта уже анонсировала подписание восьми двусторонних соглашений о сотрудничестве с Объединенными Арабскими Эмиратами, которые могут послужить основой для сотрудничества во многих областях, включая энергетический переход, продовольственную безопасность, борьбу с терроризмом, торговлю и экономику [14].

По мнению экономиста и специалиста по рынку капитала Ханса Кви, Индонезии необходимо активизировать торговые отношения со странами-членами БРИКС в ответ на повышение импортных пошлин США и падение курса индонезийской рупии. Членство Индонезии в БРИКС предоставляет доступ к диверсифицированным источникам финансирования, включая возможности Нового банка развития для поддержки инфраструктурных и энергетических проектов. Это способствует расширению внешнеторговой деятельности, что, в свою очередь, открывает перспективы для роста экспорта и привлечения прямых иностранных инвестиций.

Вступление в объединение соответствует стратегическим целям страны по достижению устойчивого экономического роста в диапазоне 5-8 % годовых, что требует значительных ресурсов и кооперации с международными партнерами. Кроме того, интеграция Республики в БРИКС укрепляет ее позиции в глобальной системе международных институтов и способствует формированию многополярного миропорядка с важным геополитическим значением.

Контроль Индонезии над ключевыми морскими путями и значительные природные ресурсы усиливают влияние БРИКС в Юго-Восточной Азии и на мировой арене. Стремление страны стимулировать экономический рост, расширить экспортные рынки и

привлечь инвестиции сопряжено с задачей снижения геоэкономической и геополитической напряженности. В совокупности членство в БРИКС расширяет возможности для технологического и финансового сотрудничества внутри объединения, способствуя укреплению интеграционных процессов и повышению устойчивости региональной и глобальной экономической системы.

Тем не менее присоединение Индонезии к БРИКС, несмотря на ее стратегическую значимость, может усилить внутренние противоречия и геополитическую напряженность в объединении. Так, исторически Организация функционирует на основе консенсуса, но расширение членства усложняет этот процесс, поскольку Индонезия, как член АСЕАН, традиционно выступает за «нейтралитет» в противостоянии США и Китая. Это противоречит позициям России и Китая, открыто оспаривающих миропорядок, в котором единственным центром силы остаются США. В частности, Индонезия входит в число стратегических партнеров США в рамках инициативы Indo-Pacific Strategy (с 2022 г.), участвует в учениях с США и Австралией (Garuda Shield) [21; 20].

В этой связи маловероятным представляется возможность Индонезии выступать против усиления антизападной риторики в группе, чтобы не ставить под удар свои отношения с США и ЕС. Например, при обсуждении создания альтернативных SWIFT-систем или продвижения дедолларизации Джакарта может занять осторожную позицию, опасаясь введения против нее санкций. Политические риски связаны с фундаментальными противоречиями между многовекторностью Индонезии и стремлением части БРИКС (Китай, Россия) создать союз государств, оспаривающих однополярный мир во главе с США. Без выработки четких правил взаимодействия и компромиссов по ключевым вопросам расширение может ослабить сплоченность группы.

Заключение. Вступление Индонезии в БРИКС открывает для страны новые перспективы, одновременно сопряженные с комплексом вызовов и рисков. Для успешной интеграции и реализации потенциала сотрудничества необходимо проведение сбалансированной и многоплановой политики, учитывающей интересы всех ключевых участников процесса. Помимо этого, требуется активное участие в формировании и реализации стратегических направлений развития БРИКС, что обеспечит максимизацию выгоды от членства и укрепит позиции Индонезии на международной арене.

Членство в БРИКС представляет собой значимый детерминант экономического роста и укрепления геополитического влияния Индонезийской Республики на глобальной

арене. Республика рассматривает интеграцию в БРИКС как стратегическую возможность для стимулирования собственного экономического развития посредством диверсификации экспортных рынков в регионы Африки и Латинской Америки, расширения спектра внешнеторговых операций, наряду с привлечением прямых иностранных инвестиций.

Помимо этого, членство Республики будет способствовать продвижению многополярного миропорядка и ослаблению геополитической напряженности, что потенциально может сделать Организацию еще более значимым игроком в мировой политике и экономике. Таким образом, членство Индонезии в БРИКС укрепляет роль Организации как альтернативного центра силы, но требует выстраивания гибких механизмов координации для минимизации противоречий. Успех интеграции будет зависеть от способности группы сохранить сплоченность, учитывая разнородные интересы участников, и умения использовать потенциал Республики для усиления глобальной роли объединения.

Библиографический список:

1. Куемжиева С.А. Актуальные проблемы и перспективы развития БРИКС / С.А. Куемжиева, С.В. Складчикова // Юридический вестник ДГУ. 2020. Т. 33, № 1. С. 80-85.
2. Леонова О.Г. Расширение БРИКС и его геополитические последствия // Россия и современный мир. 2024. № 2 (123). С. 55-71.
3. Малетин Н.П. Индонезия в АСЕАН: от первой среди равных к равной среди равных? // МГИМО МИД РФ. 2019. Т. II, № 4 (45). С. 178-184.
4. Министр торговли Саудовской Аравии опроверг вступление страны в БРИКС // РБК. Режим доступа: <https://www.rbc.ru/politics/16/01/2024/65a6c4b69a7947309407ea32?from=copy> (дата обращения: 05.04.2025).
5. Мухаммад С. Индонезия в фокусе целей устойчивого развития / С. Мухаммад, И.В. Калашникова // Вестник ТОГУ. 2024. № 1 (72). С. 160-166.
6. О присоединении Индонезии к БРИКС [Электронный ресурс] // Министерство иностранных дел Российской Федерации. Режим доступа: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/1990842/ (дата обращения: 07.04.2025).
7. Argentina won't join BRICS as scheduled, says member of Milei's transition team // Associated Press News. Режим доступа: <https://apnews.com/article/brics-argentina-milei-mondino-e428ca065e093ccb5ecad5d19bc5963d> (дата обращения: 05.04.2025).

8. BRICS membership must benefit Indonesians: DPR // Antara News. Режим доступа: <https://en.antaranews.com/news/340546/brics-membership-must-benefit-indonesians-dpr> (дата обращения: 08.04.2025).

9. BRICS membership to boost Indonesia's influence: MPR [Электронный ресурс] // Antara News. Режим доступа: <https://en.antaranews.com/news/340694/brics-membership-to-boost-indonesias-influence-mpr> (дата обращения: 08.04.2025).

10. BRICS Summit Documents [Электронный ресурс] // Национальный комитет по исследованию БРИКС. Режим доступа: <https://www.nkibrics.ru/pages/summit-docs> (дата обращения: 07.04.2025).

11. Foreign Ministry Spokesperson's Remarks on Indonesia Becoming a Full Member of BRICS [Электронный ресурс] // Министерство иностранных дел Китайской Народной Республики. Режим доступа: https://english.www.gov.cn/news/202501/07/content_WS677c6084c6d0868f4e8ee8f5.html (дата обращения: 07.04.2025).

12. Indonesia as a new member of BRICS [Электронный ресурс] // Brazilian Government. Режим доступа: <https://www.gov.br/mre/pt-br/embaixada-jakarta/indonesia-as-a-new-member-of-brics> (дата обращения: 07.04.2025).

13. Indonesia plans policy moves to counter US tariff impact [Электронный ресурс] // Antara News. Режим доступа: <https://en.antaranews.com/news/350977/indonesia-plans-policy-moves-to-counter-us-tariff-impact> (дата обращения: 10.04.2025).

14. Indonesia, UAE announce eight cooperation pacts in Abu Dhabi [Электронный ресурс] // Antara News. Режим доступа: <https://en.antaranews.com/news/351189/indonesia-uae-announce-eight-cooperation-pacts-in-abu-dhabi> (дата обращения: 10.04.2025).

15. Indonesia: 2024 Article IV Consultation-Press Release; Staff Report; and Statement by the Executive Director for Indonesia [Электронный ресурс] // IMF eLIBRARY. Режим доступа: <https://www.elibrary.imf.org/view/journals/002/2024/270/article-A001-en.xml> (дата обращения: 07.04.2025).

16. Joint statement of the BRIC countries leaders [Электронный ресурс] // BRICS Information Centre, University of Toronto. Режим доступа: <http://www.brics.utoronto.ca/docs/090616-leaders.html> (дата обращения: 07.04.2025).

17. Joint Statement of the Meeting of BRIC Ministers of Foreign Affairs [Электронный ресурс] // BRICS Information Centre, University of Toronto. Режим доступа: <http://www.brics.utoronto.ca/docs/080516-foreign.html> (дата обращения: 01.04.2025).

18. Meeting between NDB President Dilma Rousseff and President of Indonesia Prabowo Subianto [Электронный ресурс] // New Development Bank. Режим доступа: <https://www.ndb.int/news/meeting-between-ndb-president-dilma-rousseff-and-president-of-indonesia-prabowo-subianto/> (дата обращения: 08.04.2025).

19. State Information Service [Электронный ресурс] // Your Gateway to Egypt. Режим доступа: <https://sis.gov.eg/?lang=en-us> (дата обращения: 07.04.2025).

20. Super Garuda Shield 2024: Uniting Forces at the Joint Operations Center [Электронный ресурс] // U.S. Indo-Pacific Command. Режим доступа: <https://www.pacom.mil/Media/News/News-Article-View/Article/3898325/super-garuda-shield-2024-uniting-forces-at-the-joint-operations-center/> (дата обращения: 17.04.2025).

21. U.S. Indo-Pacific Strategy // The White House. Washington, D.C., 2022. 20 p.

22. XIV BRICS Summit – Beijing Declaration, June 23–24, 2022 [Электронный ресурс] // President of Russia. Режим доступа: <http://en.kremlin.ru/supplement/5819> (дата обращения: 06.04.2025).

Frolova A.D. Indonesia and BRICS+: Challenges and Prospects for Cooperation

The article examines the process of Indonesia's accession to the expanded BRICS grouping, with particular emphasis on the challenges and prospects of international cooperation amid the formation of a multipolar world. It researches Indonesia's geopolitical role as the largest economy in Southeast Asia, its contribution to regional economic growth, and its impact on the balance of power in global and regional geopolitics. The potential benefits and risks for both Indonesia and BRICS related to the organization's expansion and integration of new members are highlighted. Special attention is given to issues of economic integration, trade relations, and the country's strategic position. The study employs comprehensive analytical methods, enabling a thorough assessment of the implications of Indonesia's membership for international cooperation and regional development.

Keywords: Indonesia, BRICS, international cooperation, Southeast Asia, geopolitics, multipolar world.

УДК 316

П.А. Мухина

**Научная дипломатия как ключевой элемент «Глобальной Британии»:
проблемы и будущее**

Аннотация:

Автор охватывает ряд аспектов научной дипломатии Великобритании, особенно в контексте последствий Брексита и пандемии COVID-19, а также поднимает вопросы о том, как эти события повлияли на научное сотрудничество и инновации в стране. Обозначены возможные меры для преодоления текущих вызовов и укрепления за Великобританией статуса ведущей научной державы. Сделан вывод о важности научной дипломатии для Великобритании в условиях глобальных изменений.

Ключевые слова: научная дипломатия, инновации, Концепция «Глобальной Британии», научное сотрудничество, Брексит, финансирование науки, экономические трудности.

Об авторе: Мухина Полина Александровна, МГУ им. М.В. Ломоносова, магистрант факультета мировой политики; эл. почта: pollinariam2002@mail.ru

Научный руководитель: Багдасарьян Надежда Гегамовна, МГУ им. М.В. Ломоносова, доктор философских наук, профессор факультета мировой политики; эл. почта: ngbagda@mail.ru

Введение

В современных геополитических условиях научная дипломатия играет одну из ключевых ролей в продвижении имиджа государства на мировой арене. Она помогает странам преодолевать глобальные экономические и политические вызовы, а также способствует укреплению международных связей посредством научного диалога между государствами. Великобритания активно применяет инструменты научной дипломатии для продвижения своих политических интересов. В рамках Концепции «Глобальная Британия»

Соединенное Королевство реализует множество целей в сфере науки. Этот документ – основа для исследования проблем и возможных перспектив научной дипломатии Великобритании.

Методология: исследование опирается на междисциплинарный подход, объединяющий политический, экономический и социальный подходы к рассмотрению проблем научной дипломатии. Сравнительный анализ позволил выделить приоритетные направления деятельности Великобритании в сфере науки, а историко-генетический метод использован для выявления динамики научной дипломатии Великобритании.

Теоретическую основу исследования составляют официальные документы правительства Соединенного Королевства, британского Парламента и Лондонского королевского общества. Комплексная стратегия по вопросам обороны, дипломатии и международного развития Великобритании, отражающая главные внешнеполитические цели и направления внешнеполитической деятельности страны в мире, взят в основу исследования [6].

Перспективные направления развития научной дипломатии: взгляд британского правительства

Основная задача инициативы «Глобальная Британия» – утверждение Великобритании в качестве ведущей мировой державы, использующей все преимущества своего геополитического положения, исторического наследия и значительных достижений в различных сферах. Важно акцентировать внимание на расширении международного влияния Соединенного Королевства через укрепление дипломатических отношений, военное присутствие и активное участие в международных организациях. В этом контексте Индо-Тихоокеанский регион рассматривается британским правительством как одно из наиболее перспективных направлений для развития научной дипломатии.

В современных геополитических условиях многие эксперты в области международных отношений и политики отмечают, что более половины процента мирового роста и достижений в науке и технологиях с 2021 г. по 2050 г. будет происходить в Индо-Тихоокеанском регионе. Соединенному Королевству это открывает возможности для развития многостороннего сотрудничества с государствами этого региона. Стратегические цели Великобритании в регионе – свободный и открытый Индо-Тихоокеанский регион, где страны могут делать выбор без принуждения, где соблюдается территориальная целостность и споры разрешаются в соответствии с международным правом.

Аналогичным образом британское правительство определяет подход к Китаю:

- защита национальной безопасности;
- сотрудничество с союзниками и партнерами;
- взаимодействие с Китаем там, где это отвечает интересам Великобритании [7].

Основная задача Великобритании в отношениях с Китаем – получение целостного представления о масштабах деятельности Китая. Это позволит британскому правительству расставлять приоритеты в двустороннем сотрудничестве, оценивать компромиссы, снижать риски и более результативно приходить к совместным соглашениям в научной сфере.

Изменение курса в сторону развития международных отношений с Индо-Тихоокеанским регионом послужило подтверждением существующей тенденции к расширению взаимодействия с этими странами и продемонстрировало намерение правительства продолжать и углублять это взаимодействие в долгосрочной перспективе. Однако результаты такого изменения не до конца определены британским правительством. Неспособность Лондона четко сформулировать долгосрочные цели и итоги такого сотрудничества остается риском. Это, в свою очередь, подрывает суверенитет Соединенного Королевства со стороны более прогрессивного Китая.

Британское правительство согласно с тем, что подход к Индо-Тихоокеанскому региону должен использовать все имеющиеся в распоряжении страны рычаги – дипломатию, торговлю, связи между людьми, участие в обороне, а также связи в области технологий и инноваций. Это необходимо для построения ряда амбициозных партнерских отношений, которые становятся ключом к достижению целей Соединенного Королевства. Учитывая потенциал Индо-Тихоокеанского региона, а также разносторонний характер стоящих перед ним проблем, Соединенное Королевство нацелено на усиление своего влияния в регионе.

В вопросах научного и технологического сотрудничества, Индо-Тихоокеанский регион имеет важное значение для поддержания научной базы Великобритании. Он поддерживает конкурентные преимущества британского инновационного бизнеса, одновременно устраняя общие возможности и угрозы. Вот почему Министерство иностранных дел и по делам Содружества и Министерство науки, инноваций и технологий расширили количество научно-технических должностей Великобритании в регионе с 30 мест в 2021-2022 гг. до 40 в 2023-2024 гг., укрепив способность страны строить партнерские отношения в этом динамичном регионе [7].

Проблематика британского научного и технического развития: экономический аспект

За последние годы Великобритания столкнулась с несколькими проблемами, которые тормозят научное и техническое развитие страны, затрагивающими и сектор экономики. Для начала стоит упомянуть Брексит (Brexit), который привел Великобританию к экономическому кризису. Прежде чем выйти из состава Европейского Союза в Великобритании был проведен референдум, по итогам которого голоса граждан разделились примерно пополам. Результаты референдума в июне 2016 г. таковы: 52% поддержали выход из ЕС и 48% проголосовали против. За этим последовал период дебатов по вопросам условий Брексита – рассматривались варианты мягкого, жесткого или промежуточного подходов. За указанное время в стране произошла двукратная смена премьер-министра и перевыборы парламента. Наконец, в январе 2020 г. Борис Джонсон официально оформил разрыв Великобритании с Европейским Союзом, завершив тем самым 45-летний период членства в европейском сообществе.

В этот критический момент Великобритания столкнулась с глубоким финансовым кризисом и дефицитом ресурсов. В продовольственных магазинах наблюдалась нехватка товаров первой необходимости – от бутилированной воды и овощей до молочных продуктов. Показал себя и дефицит строительных материалов, автозапчастей, рынок труда остро почувствовал недостаток в специалистах: от шеф-поваров до работников сельскохозяйственного сектора.

Основанием такого положения стал разрыв с единым рынком Европейского Союза, который привнес новые таможенные издержки в процесс доставки товаров. До этого времени Европейский Союз был основным экономическим союзником, занимая 53% в импорте и 44% в экспорте Великобритании. Утрата свободного рынка нанесла значительный удар по внешнеэкономическим связям и экономическому благополучию страны.

Само наступление Брексита выявило скрытое недоверие общества к экспертам, которые со стороны государства пытаются обосновать кризис с научной точки зрения. Сегодня ученым, – как в социальных, так и в естественных науках, – не осталось иного выбора, кроме как стремиться к очевидному участию в политике: британские университеты приняли парадигму «нового менеджериализма», в которой мониторинг, измерение эффективности, постановка целей для исследования и преподавание выступают нормой,

призывает ученых становиться «еще более целеустремленными, самоконтролирующими, предприимчивыми и продуктивными» [3]. В результате научное развитие в стране, а тем более научная дипломатия, вынуждены терпеть различные издержки. Например, нехватку финансовой поддержки со стороны государства, активную работу исключительно в рамках государственного заказа и пр. [5].

Согласно Концепции внешней политики Великобритании, на экономическом, социальном и политическом состоянии страны сильно сказалась и пандемия COVID-19. Это отразилось и в том, что Концепция должна была быть опубликована в 2020 г., но была отложена и выпущена только в 2021 г. С одной стороны, вся мировая наука была направлена на исследования вируса, с другой же, огромный экономический кризис, который совпал с выходом страны из ЕС, не давал британскому правительству возможности заниматься иными научными исследованиями и вопросами инноваций и технологий. Это безусловно стало проблемой в использовании инструментов научной дипломатии, поскольку даже факт отсрочки публикации Комплексной стратегии по вопросам обороны, дипломатии и международного развития помешал научной дипломатии двигаться в необходимом государству направлении [6].

Во время членства в ЕС Великобритания была основным бенефициаром финансирования Восьмой рамочной программы Европейского Союза по развитию научных исследований и технологий (нем. Horizont 2020, H2020), как и предыдущих рамочных программ. После Брексита британская научная дипломатия снова необходима для продвижения британской науки в ЕС. Королевское общество уже призвало британское правительство «обеспечить конкурентоспособность Великобритании как ведущей научной страны, гарантируя, что Великобритания будет продолжать как можно более тесно сотрудничать с исследовательскими программами, сетями и объектами ЕС» [2]. Будучи научной академией, Королевское общество призвано выполнять дипломатическую роль в отношении условий Брексита, чтобы, во-первых, гарантировать, что исследователи ЕС, базирующиеся в Великобритании, имеют право остаться, и, во-вторых, лоббировать будущее научное сотрудничество с Европейским Союзом и поддержание открытых каналов связи с европейскими академиями-партнерами.

Выход Великобритании из ЕС оказал влияние на давно устоявшиеся модели сотрудничества между государствами-членами ЕС и Великобританией. Исследователи из ЕС, приезжающие на работу в Великобританию, теперь подчиняются иммиграционным

правилам, и въезд зависит от их права подать заявление на получение визы по категориям «Таланты» (Global Talent), «Работа» (Skilled Worker) или «Правительственная» (Government Authorized Exchange).

Сегодня сохраняется неопределенность в отношении способности британских исследователей и предприятий получать ключевые источники финансирования исследований и инноваций ЕС, среди которых программы «Горизонт Европа» (Horizon Europe) и Европейские структурные и инвестиционные фонды (European Structural and Investment Funds, ESIF). Этот тупик показывает практикам научной дипломатии, что наука может использоваться в качестве инструмента переговоров и международного сотрудничества [4].

Перспективы благоприятной среды для развития науки и технологий в Великобритании

Несмотря на проблемы, Великобритания активно применяет научную дипломатию и развивает международные дипломатические связи. Выход Великобритании из ЕС стимулировал шквал двусторонней научной дипломатии: Соединенное Королевство подписало несколько соглашений в области науки и технологий с другими странами. Например, в июле 2022 г. подписано соглашение об исследованиях, науке и инновациях с Новой Зеландией, согласно которому новозеландский опыт в области аграрных технологий будет передаваться промышленным партнерам Великобритании. В конце 2021 г. подписано Соглашение об обмене данными с США [4]. Сюда же можно отнести развитие международного сотрудничества с Индо-Тихоокеанским регионом.

Актуальной проблемой в использовании инструментов научной дипломатии Великобритании остается нехватка научных атташе, играющих огромную роль в этом вопросе. Британские научные атташе разбросаны по всему миру и представляют международные интересы Великобритании в области науки и инноваций. В мире насчитывается около сотни таких сотрудников, однако Великобритания нуждается в их большей численности, поскольку все это имеет решающее значение для экономического роста и геополитического влияния, однако в современных условиях такие системы не работают изолированно.

Для удержания статуса мирового лидера после пандемии и выхода из ЕС, британскому правительству необходимо обеспечить укрепление и расширение научной дипломатии для удовлетворения национальных потребностей страны. В этих усилиях есть

три основных элемента: дипломатия для науки, наука для дипломатии и наука в дипломатии.

Согласно Рамочным условиям для развития науки и технологий, планы Великобритании по становлению научно-технологической сверхдержавой к 2030 г. отражают амбициозные стратегические и оперативные задачи, поставленные перед государством. Увеличение государственных расходов на научные исследования и разработки до 20 миллиардов фунтов стерлингов к 2024-2025 гг. становится значительным шагом к укреплению ресурсной базы науки в стране. Вместе с тем упор на регуляторную среду, способствующую инновациям, развитие научной инфраструктуры и стимулирование международного сотрудничества позволяют формировать благоприятные условия для достижения поставленных целей [5].

Основные действия, направленные на создание благоприятной среды для развития научных технологий, охватывают весь спектр необходимых мер: от привлечения инвестиций и поддержки талантов до совершенствования системы государственных закупок и развития международных партнерств. Такой подход не только способствует непосредственному развитию науки и технологий, но и укрепляет позиции Великобритании на международной арене [1].

Особое внимание в рамочных условиях уделено ежегодному пересмотру списка научных технологий, что позволяет государству оставаться в курсе последних тенденций и оперативно адаптироваться к изменяющейся научно-технологической среде. Национальный совет по науке и технологиям (National Science and Technology Council, NSTC), отвечающий за выполнение этой задачи, играет ключевую роль в обеспечении значимости научной политики страны [5].

Таким образом, Великобритания постепенно усиливает свой научно-технологический потенциал и имеет перспективы полноценно решать возникающие проблемы в применении инструментов научной дипломатии. Соединенное Королевство демонстрирует высокие амбиции и целеустремленность в достижении статуса научно-технологической сверхдержавы, активно используя научную дипломатию как инструмент укрепления своих международных позиций и решения глобальных вызовов современности. Вместе с тем она сталкивается и с рядом вызовов, от решения которых зависит реализация основных задач в контексте «Глобальной Британии».

Библиографический список:

1. Великобритания укрепляет статус технологической сверхдержавы [Электронный ресурс] // Институт статистических исследований и экономики знаний ВШЭ. Режим доступа: <https://issek.hse.ru/news/825687619.html> (дата обращения: 02.04.2025).
2. Brexit and UK science [Электронный ресурс] // The Royal Society. Режим доступа: <https://royalsociety.org/news-resources/projects/brexit-uk-science/> (дата обращения: 02.04.2025).
3. Leathwood C. Read Research policy and academic performativity: Compliance, contestation and complicity // Studies in Higher Education. 2013. No. 38 (8). Pp. 1162-1174.
4. Parliamentary Office of Science and Technology (POST) [Электронный ресурс] // UK Parliament. Режим доступа: <https://www.parliament.uk/site-information/azindex/parliamentary-office-of-science-and-technology-post/> (дата обращения: 02.04.2025).
5. Policy paper «UK Science and Technology Framework» [Электронный ресурс] // Official website of the Government of the United Kingdom. Режим доступа: <https://assets.publishing.service.gov.uk/media/6405955ed3bf7f25f5948f99/uk-science-technology-framework.pdf> (дата обращения: 02.04.2025).
6. The Integrated Review of Security, Defence, Development and Foreign Policy «Global Britain in a competitive age» [Электронный ресурс] // Official website of the Government of the United Kingdom. Режим доступа: https://assets.publishing.service.gov.uk/media/60644e4bd3bf7f0c91eababd/Global_Britain_in_a_Competitive_Age-the_Integrated_Review_of_Security_Defence_Development_and_Foreign_Policy.pdf (дата обращения: 02.04.2025).
7. Tilting horizons: the Integrated Review and the Indo-Pacific – Government Response to the Committee’s Eighth Report of Session 2022–23 [Электронный ресурс] // UK Parliament. – URL: <https://publications.parliament.uk/pa/cm5804/cmselect/cmffaff/630/report.html> (дата обращения: 02.04.2025).

Mukhina P.A. Scientific Diplomacy as a Key Element of «Global Britain»: Challenges and the Future

The author covers a number of aspects of UK scientific diplomacy, especially in the context of the consequences of Brexit and the COVID-19 pandemic, and raises questions about how these events have affected scientific cooperation and innovation in the country. Possible measures are outlined to overcome current challenges and strengthen the UK's status as a leading scientific power. The importance of scientific diplomacy for the UK in the context of global changes is concluded.

Keywords: scientific diplomacy, innovation, Global Britain concept, scientific cooperation, Brexit, science funding, economic difficulties.

УДК 101.1:316

М.С. Бодрина

**Философия войны в оптике русской мысли рубежа XIX-XX веков:
духовные и метафизические аспекты (Часть 2)**

Аннотация:

Рассмотрены философско-теологические основания русской мысли о войне рубежа XIX-XX вв. через призму трудов Н.Я. Данилевского, Ф.И. Тютчева, П.Н. Савицкого, Е.Н. Трубецкого и С.Н. Булгакова. Феномен войны анализируется как глубинный цивилизационный конфликт и форма духовного сопротивления, укорененная в уникальной исторической и метафизической идентичности России. Особое внимание уделено цивилизационному измерению философии войны. Подчеркнуто метафизическое значение войны как зримого симптома более глубоких цивилизационных разломов и как нравственного испытания, проверяющего душу нации. Сделан вывод об актуальности идей обозначенных мыслителей в контексте русской цивилизационной миссии и борьбы за духовную автономию в условиях давления западного универсализма и внутренней фрагментации.

Ключевые слова: философия войны, русская мысль, Н.Я. Данилевский, Ф.И. Тютчев, П.Н. Савицкий, Е.Н. Трубецкой, С.Н. Булгаков.

Об авторе: Бодрина Маргарита Сергеевна, МГУ им. М.В. Ломоносова, магистрант факультета мировой политики; эл. почта: bodrinal010@mail.ru

Научный руководитель: Багдасарян Надежда Гегамовна, МГУ им. М.В. Ломоносова, доктор философских наук, профессор факультета мировой политики; эл. почта: ngbagda@mail.ru

Русская интеллектуальная мысль рубежа XIX–XX вв. предлагает уникальную перспективу, рассматривая войну не только как геополитическое или военное противостояние, но и как глубокое духовное и культурное явление. Это интеллектуальное

наследие сохраняет высокую значимость, позволяя по-новому осмыслить экзистенциальные и моральные сложности, по-прежнему определяющие современные вооруженные конфликты.

Методология и методы исследования

Проведен критический анализ ключевых философских и богословских текстов российских мыслителей, посвященных проблематике войны. Используется междисциплинарный подход, сочетающий религиозно-философские и нормативно-ценностные рамки. Исторический метод позволяет проследить эволюцию концепции войны, а сравнительный анализ выявляет как точки соприкосновения, так и различия в позициях рассматриваемых авторов.

Результаты

Война может быть воспринята на двух уровнях. С одной стороны, как личный опыт: человек, вовлеченный в водоворот насилия, сталкивается с непреодолимыми моральными дилеммами, страданиями и внутренними преобразованиями. С другой – как коллективная реальность, где на первый план выходят идеологии, стратегические расчеты и исторические судьбы, а индивид отступает в тень. Ирония здесь в том, что западная мысль, при всей своей декларативной приверженности индивидуальной автономии – наследию Реформации и либеральной традиции – в философии войны неизменно смещает акцент на коллективное. От Клаузевица до Бернгарди война предстает прежде всего, как арена столкновения национальных интересов и идеологических противоречий: пространство, поддающееся расчету, институционализации, контролю. Личность же оказывается лишь статистической величиной, растворенной в механике государственной воли.

Русская мысль предлагает иную оптику. Несмотря на то, что ее обычно связывают с коллективизмом, в размышлениях о войне внимание переносится внутрь – к духовному миру человека. Война осмысляется не только как политический инструмент, но как нравственное испытание и экзистенциальное откровение. Николай Бердяев писал: «Зло, живущее в каждом из нас, выявляется в войне... Необходимо взять на себя ответственность до конца» [1]. Насилие не исчезает с победой или поражением, – оно впечатывается в духовный ландшафт нации, меняя ее нравственные координаты. Даже сосредоточенность на индивидуальной трагедии в русской философии войны неизбежно ведет к вопросу о судьбе целого народа.

Именно в этих пограничных моментах – на стыке метафизического и геополитического – война приобретает у русских мыслителей цивилизационные и историко-онтологические измерения. Можно сказать, что русская философия войны разветвляется на два параллельных потока: поток души и поток цивилизации.

Одним из наиболее устойчивых выражений цивилизационной парадигмы в русской философии войны выступает идея славянского единства. В подобной оптике война предстает не только как геополитическое столкновение, но и как акт исторического самоопределения славянского мира. Интеллектуальные истоки панславизма восходят к XVII в. и связаны с именем хорватского мыслителя Юрия Крижанича. Вдохновленный судьбой Руси, он воспринимал ее как исток и основание всей славянской цивилизации, утверждая: «Русский народ и имя – всем прочим начало и корень» («Еже Руско племя и имеет остальним всим вершина и кореника») [7]. Однако проект Крижанича носил преимущественно филологический и богословский характер: он видел в создании единого славянского языка инструмент духовного объединения, а не политической мобилизации.

Предчувствие грядущего славянского возрождения обнаруживается и за пределами собственно славянского мира. Одним из первых западных мыслителей, кто осмыслил уникальность славянской судьбы, был немецкий философ и теолог Иоганн Готфрид Гердер. Он описывал славян как народ «гостеприимный, свободолюбивый, но покорный и послушный, враг грабежа и насилия» [22]. Лишь в XIX в., на фоне подъема национализма и кризиса традиционных империй, панславизм стал оформляться как целостная идеология. В России «славянский вопрос» стал отчасти реакцией на усиливающуюся вестернизацию части элиты. Славянофилы опирались на гегелевскую идею о том, что каждая нация обладает уникальной исторической миссией. Как писал Гегель, «Каждый отдельный национальный гений должен рассматриваться как отдельная личность в процессе Универсальной Истории... История есть проявление божественного развития Духа» [21]. Русские мыслители восприняли эту идею как основание для утверждения самобытности российского пути. В их интерпретации Россия предстает не как маргинальный участник европейской цивилизации, но как духовный и исторический центр особой славянской цивилизации – органической и соборной.

Современники отмечали, что славянофилы видели «как допетровскую Русь, так и будущее России в поэтическом образе» [9]. Для Алексея Степановича Хомякова сущность русской идентичности заключалась в органическом единстве народа, Церкви и нации – в

полноте, выраженной понятием соборности. Православная Церковь в этом контексте мыслилась не как статичная институция, а как живой организм, утверждающий «дух творчества» и исповедующий «Церковь развивающуюся, устремленную вперед». В этой системе всегда присутствовало внутреннее напряжение, которое Василий Розанов описал так: «...первая – Россия “видимостей” с правильными очертаниями; вторая – “Святая Русь, матушка Русь”» [12].

Именно здесь проявляется ключевое противопоставление, лежащее в основе славянофильской мысли: русский путь – это «преимущественное стремление к цельности бытия внутреннего и внешнего, общественного и частного, умозрительного и житейского, искусственного и нравственного», в отличие от западной традиции, склонной к раздвоенности [11]. Иван Киреевский подчеркивал: «там раздвоение сил разума, здесь – стремление к их живой совокупности; там движение ума к истине посредством логического сцепления понятий, здесь – стремление к ней посредством внутреннего возвышения самосознания к сердечной цельности и средоточию разума».

Мессианская роль русского народа, – точнее, идея славянского мира с центром в России – заключалась в стремлении предложить новый цивилизационный образец. Как писал Хомяков: «Я совсем не имею намерения писать сатиру на Запад ... но в сердце человека есть такие ... требования ... которые сильнее всех привычек и вкусов ... все высокие умы Европы жалуются ... на недостаток убеждений ... требуют новой духовной силы ... ищут веры и не могут найти ее у себя, ибо христианство на Западе исказилось своемыслием» [6]. На этом основании Православие выступает не только как одна из основ славянской идентичности и цивилизационного сознания, но и как выражение более широкого метафизического устремления – к целостности бытия, духовной подлинности и исторической миссии, укорененной в вечной перспективе православного сознания.

Именно в более широком философско-цивилизационном контексте следует рассматривать мысль Николая Данилевского – не как теоретика войны в узком стратегическом или политико-правовом смысле, а как мыслителя, стремившегося постичь войну как метафизическое проявление противостояния цивилизаций. Он писал: «Мы можем надеяться, что славянский тип будет первым полным четырехосновным культурно-историческим типом», подразумевая религиозную, культурную, политическую и общественно-экономическую деятельность как равнозначные и взаимодополняющие основания [5].

Данилевский утверждал, что славянский культурно-исторический тип не происходит от Запада, но представляет собой самостоятельное, органически развивающееся начало. Он решительно отвергал жертву самобытности во имя абстрактной «всечеловеческой» идеи, подчеркивая: «Все предметы или явления одной группы должны иметь между собой большую степень сходства или сродства, чем с явлениями или с предметами, отнесенными к другой группе» [5]. С этой позиции он предвидел неизбежность грядущего цивилизационного потрясения, которое, по его убеждению, должно было пробудить русский национальный дух от болезни европеизма и направить его к исполнению предназначения – созданию политической федерации славянских народов под эгидой России как полноты и вершины славянского культурно-исторического типа.

Война для Данилевского не предмет самостоятельного анализа, а симптом глубинного напряжения, обнажающий несовместимость исторических векторов. Его основной вопрос: «Цивилизация европейская тождественна ли с общечеловеческою?» – обнажает вызов либеральной модерности и ее теологический нерв [5]. По Данилевскому, Европа говорит языком империи – не только силы, но и метафизической колонизации. Противопоставляя этому свою концепцию, он утверждал духовную автономию славянской цивилизации как *sui generis* – особого историко-духовного типа. Он писал: «Европа ... видит в России и в славянах вообще нечто ей чуждое ... крепкое, твердое ядро ... которое имеет и силу, и притязание жить своею независимою, самобытною жизнью» [5].

Противостояние Западу у Данилевского не есть агрессия, а онтологическая необходимость сохранения собственной архитектуры бытия. Славянская душа – не отражение западного фаустовского типа с его раздробленностью и рационализмом. Она более литургична, чем рациональна, более символична, чем аналитична, ее цель не завоевание, а духовное общение. Он предупреждает: «Всемирная ли монархия, всемирная ли республика ... опасность заключается не в политическом господстве одного государства, а в культурном господстве одного культурно-исторического типа» [5].

Эта мысль сохраняет силу и в XXI в., находя отклик в идеях Евгения Месснера. По его наблюдению, современная война перестает быть огневым столкновением армий, ее суть – борьба за восприятие, за контроль над символическими системами. «Душа вражеской армии, душа вражеского народа стали важнейшими стратегическими объектами; мобилизация духа собственного народа стала важнейшей задачей ... Разложить дух врага и уберечь от разложения свой дух – вот смысл борьбы в четвертом измерении» [10]. В этой

логике цель войны – не физическое уничтожение, а духовное разрушение: деморализация, утомление, растление. Потому предостережение Данилевского остается актуальным: Россия «не может считаться составною частью Европы ни по происхождению, ни по усыновлению ... ей предстоят только две возможности: или ... образовать особую, самостоятельную культурную единицу, или лишиться всякого культурно-исторического значения – быть ничем» [5].

Данилевский особо подчеркивал системную враждебность Европы к России – не случайную, а сущностную, укорененную в самосознании Европы:

«Почему Европа враждебна России?

Мы слышим клеветы, мы знаем оскорбления

Тысячеглавой лжи газет,

Измены, зависти и страха порожденья.

Друзей у нашей Руси нет!» [5].

Следовательно, война у Данилевского – не сбой системы, а выражение фундаментального онтологического раскола между цивилизациями: «Европа не случайно, а сущностно нам враждебна; следовательно, только тогда, когда она враждует сама с собою, может она быть для нас безопасною» [5]. Месснер отмечал размывание границ между фронтом и тылом, государственным и частным, политическим и обыденным: «Упразднена определенная, очевидная грань между мирными и военными международными отношениями». И добавляет: «Надо перестать думать, что война – это когда воюют, а мир – когда не воюют» [10]. Вместо поля битвы – атмосфера тотальной враждебности: невидимой, но пронизывающей. Возникает новый метафизический климат. И в нем главное поле сражения – душа.

Если Владимир Соловьев видел в войне трагическую, но временами неизбежную защиту божественного порядка («Христианство в принципе упразднило войну; но пока этот принцип внутренне не усвоен, войны остаются неизбежными и могут быть ... относительным благом»), а Лев Толстой категорически отвергал всякое насилие («Всякое допущение насилия против ближнего ... несовместимо с любовью», то Данилевский предлагал иной взгляд. Для него война – не отклонение от нормы, а закономерное следствие столкновения несовместимых метафизических структур, акт сохранения целостности и отказ от растворения в чуждом. Это не агрессия, а форма бытийной верности.

Именно в этой логике звучит одна из самых узнаваемых строк русской цивилизационной интуиции – слова Федора Тютчева:

«Умом Россию не понять,
аршином общим не измерить:
У ней особенная стать –
В Россию можно только верить» [19].

Тютчев воспринимает Россию не как объект рационального анализа или политической прагматики, а как духовную сущность, обособленную от универсалистских мер разгорающийся западной мысли. «Прежде всего Россия – христианская держава... благодаря той способности к самоотречению и самопожертвованию, которая составляет как бы основу его нравственной природы. Революция же прежде всего – враг христианства» [18].

Взгляд Тютчева сосредотачивался не столько на внешней угрозе, сколько на внутреннем разложении национальной воли. Истинным защитником России он считал не дипломатические союзы и военные успехи, а саму Историю, которая, по его словам, «в течение трех столетий разрешавшая в ее пользу все тяжбы, в которые русский народ раз за разом ввергал... свои таинственные судьбы» [18]. Для него важнее опасность духовного и нравственного ослабления, приводящего к потере внутреннего единства, нежели внешнее давление.

Подобная чувствительность к духовному порядку делает Тютчева идейно близким Константину Леонтьеву, сосредоточенному на угрозе внутреннего разложения. Однако если Тютчев указывал на разрыв между государственной волей и духовной сущностью народа, то Леонтьев видел главную опасность в западных либеральных идеях. Это влечение он называл «европеизмом» или даже «европобесие», ведущим к «вечному умственному рабству перед их идеями» [8].

На этом фоне идея «Цареградской Руси» приобретает у Леонтьева особое значение как образ восточного центра духовной и политической гравитации, способного противопоставить себя секулярному Западу. Он видел в ней будущий центр объединения православных наций в рамках «Великого Восточного союза православных государств» во главе с Россией. В этой утопии явственно звучит отголосок формулы Филофея Псковского: «Два Рима пали, третий стоит, а четвертому не бывать». Примечательно, что для Леонтьева угроза исходила не от явно враждебных сил, а от тех, кто внешне близок, но уже заражен

западными идеями: «Страшнее всех их брат близкий ... если он заражен чем-либо таким, что ... может быть и для нас смертоносным» [8]. Речь идет о форме духовного порабощения, разрушающей основу русской идентичности.

В подобном ключе и у Тютчева находит выражение тема цивилизационного дуализма – углубляющегося отчуждения между государством и народом, между внешней формой власти и внутренним духовным содержанием. Он писал о той зияющей пропасти, которая разрасталась между двумя началами, когда-то составлявшими органическое целое. Особую опасность он видел в становлении интеллигенции, оторванной от национальной почвы и вовлеченной в западные идеологические мифы. «Западные люди, судящие о Росси... не понимают тех, кто должен их сменить. А западная колония образованных русских, говорящая их же собственным отраженным голосом, вводит их в еще большее заблуждение» [18]. Тютчев называл их «книжники» и «идеологи», подчеркивая их оторванность от реальной жизни: «...на то и интеллигенция, чтобы развращать инстинкт». Однако даже в глубоком разочаровании он не скатывался к нигилизму.

Как и Данилевский, Тютчев осмыслял цивилизационное противостояние не как борьбу интересов, а как столкновение онтологических порядков. Запад в его представлении – не просто иная культура или политическая система, а носитель принципиально иного духовного кода. Отсюда и понимание подлинного сопротивления как духовного усилия, направленного не на внешнюю экспансию, а на сохранение собственной сущности.

В интеллектуальном наследии Петра Савицкого военная образность в привычном смысле – окопы, знамена, фронты – практически отсутствует. Вместо этого борьба обретает иную форму: она скрыта за строгим языком культурной географии, прежде всего – в его ключевой концепции «месторазвития», понимаемого как живое пространство, в котором цивилизация либо укореняется и развивается, либо утрачивает свою самобытность, растворяясь в чужой среде [13]. Если у Н.С. Трубецкого духовное сопротивление носит преимущественно аксиологический характер, то Савицкий очерчивает его топографию. География в его философии приобретает сакральный смысл: ландшафт выступает не фоном исторического действия, а его внутренней формой и энергетикой.

Особое место в этой геокосмологии занимает степь. Савицкий видит в ней не природную зону, а пространство инициации, где совершается становление России как цивилизации: «Каждая, хотя бы небольшая, человеческая среда находится ... в своей и неповторимой географической обстановке» [13]. Из этой иерархии «месторазвитий» – от

двора и деревни к евразийской степи, а затем к целостной России-Евразии – выстраивается уникальная историко-географическая индивидуальность. В отличие от земного шара как общего понятия, Россия-Евразия, по Савицкому, обладает собственной культурно-исторической формой. Великая степь не разделяет, а соединяет; она закаляет народы в опыте бескрайности и тем самым очищает. Даже татарское иго мыслится как «горнило, в котором ковалось русское духовное своеобразие», в котором «татары очистили и освятили Русь... привили ей навык могущества» [13]. В этом Савицкий видит двойственный лик России – наследницы как византийского христианства, так и азиатской державности.

Россия у Савицкого – не часть Европы и не продолжение Азии, а самостоятельный цивилизационный организм. Эта мысль созвучна с Н. А. Бердяевым: «Русский народ есть не чисто европейский и не чисто азиатский народ. Россия есть целая часть света, огромный Востоко-Запад» [2]. Для Савицкого задача цивилизации заключается не в бегстве от внешнего давления, а в возвращении к самой себе, в обретении собственной цельности: «Народ не должен желать «быть, как другие». Он должен желать быть самим собой» [14]. Европа, по его мнению, предлагает технику, но не полноту духа; Россия же должна черпать силу из внутреннего обновления.

При этом евразийство не боялось противоречий: «Евразийцы живут в противопоставлениях... совмещают традицию и революцию. И они совершенно уверены, что в дальнейшем развитии событий не они, но история совместит эти начала» [14]. Одиночество России Савицкий воспринимает не как трагедию, а как очищающее уединение, где рождается подлинный голос культуры. «Церковно-христианская деятельность есть... совершенствоваться в себе и через себя весь мир. Полнота Церкви предполагает оцерковление всего» [13].

В этом проявляется его отличие от славянофилов. Савицкий критиковал Россию имперского периода, ощущавшую себя частью Европы: «Несмотря на свою политическую силу, в культурном отношении она чувствовала себя ... третьестепенной Европой... подражательность, а не творчество является законом жизни» [13]. Историческое предназначение России состоит не в завоевании, а в сохранении идентичности и духовной цельности. В его системе война обретает метафизическое измерение: она понимается не как борьба с Другим, а как сопротивление искушению утратить себя.

Евгений Трубецкой рассматривал насилие и стремление к господству как рудименты уходящей исторической эпохи. По его мысли, подлинное влияние страны должно

основываться не на военной силе, а на ее онтологической самобытности и нравственной притягательности. Он отвергал как реакционный национализм, так и космополитические утопии, предлагая России иной путь – путь «жертвенной державы», не завоевывающей, но искупающей.

Сохраняя остатки христианской универсальности, Россия способна выполнять функцию катехона – удерживающей силы, препятствующей окончательному распаду мира в неоязыческий хаос: «Русский национальный мессианизм всегда выражался в утверждении русского Христа, в более или менее тонкой русификации Евангелия. Существенная черта национального мессианизма заключается в национальной исключительности религиозного сознания» [16].

В докладе «Война и мировая задача России» Е.Н. Трубецкой утверждал: «Я не только разделяю общую нашу волю победить, я не сомневаюсь в том, что на поле брани победа будет за нами. Но ведь эта победа желательна для нас не как торжество голой силы России, а как завершение той высшей, духовной ее победы, которая составляет смысл этой войны» [15]. Задача России, по его мысли, заключалась не в порабощении, а в освобождении малых народов, что придавало ее миссии наднациональный и универсальный характер. Критика Запада у Трубецкого, как и у Бердяева, не имела характера культурного шовинизма. Речь шла не о противопоставлении себя христианской Европе прошлого, а о разрыве с Европой настоящего, утрачивающей связь с Логосом и подчиняющейся воле к силе. Особым симптомом этого распада он считал Германию, чей милитаризм был обусловлен отходом от христианских устоев.

П.А. Флоренский, говоря о множественности и единстве понятий, все же оставлял надежду: техника не должна быть отвергнута, но подчинена высшей цели. Это перекликалось с идеей Трубецкого о духовно насыщенном патриотизме: «Истинный патриотизм одинаково дорожит охранением отечества и его преуспеянием». Война предстает у него не только как историческая катастрофа, но и как симптом глубинной духовной болезни. Отсюда предупреждение: «Национализм безбожный неизбежно подпадает логике войны ... но война, доведенная до конца, и есть конец нации» [17]. В этом свете Россия, по мысли Трубецкого, удерживает мир не оружием, но духом, не силой, но смыслом.

Сергей Булгаков рассматривал войну как одно из самых сложных явлений человеческой истории. Он отмечал ее антиномичность: «Война есть, вернее, может быть и

величайшим злодеянием и величайшей жертвой, жесточайшим насилием и высочайшим самоотвержением – и то, и другое вместе, в смешении и в неразличимости» [4]. Булгаков отвергал как абсолютный пацифизм, так и оправдание милитаризма: война остается трагедией, но может стать подвигом, если речь идет о защите высших духовных ценностей. Причины войн он усматривал прежде всего в духовной сфере. Война для него – не только политическая реальность, но и образ конечной битвы добра и зла, ангелов и демонов.

Булгаков связывал истоки конфликтов с духовными искажениями – империализмом, национализмом, гордыней цивилизаций, ведущими к «войне всех против всех». Особое внимание он уделял цивилизационному аспекту – противостоянию Востока и Запада: «Запад есть для нас, наконец, политическое знамя... Но Запад не является уже для нас ни совершеннейшим, ни единственно возможным воплощением культуры» [3]. Запад олицетворяет рационализм, секуляризм и культ силы, тогда как Россия и православный Восток – хранители духовной целостности и соборности.

Георгий Федотов, в свою очередь, на этот счет критически замечал: «Россия является Империей своеобразной... Сходство будет полнее, если вместо Австро-Венгрии последних десятилетий взять Германскую Империю до 1805 года» [20]. Эта дихотомия напоминала различие между «Святой Русью» и «имперской Россией» – светом и мечом одной земли. Для Булгакова же судьба России состояла не в подражании Западу, а в сохранении собственной духовной самобытности.

Заключение

Анализ философско-теологических оснований русской мысли о войне на рубеже XIX–XX вв. выявляет уникальную парадигму, в которой война осмысливается не только как политический или стратегический феномен, но как цивилизационный и духовный вызов. Война предстает как симптом глубинного противостояния культурно-исторических типов, где на кону стоит не только политическая независимость, но и целостность духовной идентичности. В этом контексте русская философия войны формирует особый дискурс, в котором защита самобытности и сопротивление универсализму становятся не агрессией, а актом бытийной верности и исторической миссии.

Библиографический список:

1. Бердяев Н.А. Психология войны и смысл войны [Электронный ресурс] // Азбука веры. Режим доступа: https://azbyka.ru/otechnik/Nikolaj_Berdyayev/psihologija-vojny-i-smysl-vojny/ (дата обращения: 23.05.2025).
2. Бердяев Н.А. Русская идея. М.: Азбука-классика, 2015. 320 с.
3. Булгаков С.Н. Душевная драма Герцена. М.: Общественная Польза, 1903. 15 с.
4. Булгаков С.Н. Размышления о войне // Труды по социологии и теологии. М.: Б.м., 1997. С. 135-162.
5. Данилевский Н.Я. Россия и Европа. М.: Книга, 1991. 574 с.
6. Киреевский И.В. В ответ А. С. Хомякову // Критика и эстетика / Сост., вступ. статья и примеч. Ю.В. Манна. М.: Искусство, 1979. С. 143-154.
7. Крижанич Ю. Граматично изказанје об руском језику. М.: Б.и., 1859. 294 с.
8. Леонтьев К.Н. Средний европеец как идеал и орудие всемирного разрушения / М.: Восток, Россия и Славянство, 1996. С. 34-88.
9. Малыгин А.Н. Философская интерпретация старообрядческого раскола в трудах славянофилов и западников // Медицина. Социология. Философия. Прикладные исследования. 2019. № 2. С. 173-177.
10. Месснер Е.Э. Хочешь мира, победи мятежевойну! / Е. Э. Месснер, под ред. А. Е. Савинкин. М.: Военный Университет; Русский Путь, 2005. С. 64-144.
11. Писарев Д.И. Русский Дон Кихот. М.: Русское слово, 1862. 30 с.
12. Розанов В.В. Религия и культура: Статьи и очерки 1902-1903 гг. М.: Республика, 2008. 893 с.
13. Савицкий П.Н. Континент Евразия. М.: Аграф, 1997. 461 с.
14. Савицкий П.Н. Русская Евразия в прошлом и будущем. М.: Издательство Родина, 2023. 240 с.
15. Трубецкой Е.Н. Война и мировая задача России. М.: И.Д. Сытин и К⁰, 1915. 36 с.
16. Трубецкой Е.Н. Русская мысль. Старый и новый национальный мессианизм [Электронный ресурс] // Христианская психология и антропология. Режим доступа: <https://xpa-spb.ru/libr/-Berdyayev-pro-et-contra-kniga-1/238-Trubeckoj-E-N-staryj-i-novyj-messianizm.pdf> (дата обращения: 03.11.2025).
17. Трубецкой Е.Н. Смысл жизни. М.: Республика, 1994. 432 с.
18. Тютчев Ф.И. Россия и запад. М.: Институт Русской Цивилизации, 2011. 592 с.

19. Тютчев Ф.И. Умом Россию не понять... [Электронный ресурс] // Культура.РФ. Режим доступа: <https://www.culture.ru/poems/46430/umom-rossiyu-ne-ponyat> (дата обращения: 30.06.2025).
20. Федотов Г.П. Судьба и грехи России. М.: Даръ, 2005. 492 с.
21. Hegel G. Lectures on the philosophy of history. London: George Bell & Sons, 1894. 55 p.
22. Herder J. Outlines of a philosophy of the history of man. New York: Bergman Publishers, 2016. 483 p.

Bodrina M.S. The Philosophy of War in Russian Thought at the Turn of the 19th and 20th Centuries: Civilizational Dimensions (Part 2)

The article is devoted to the philosophical and theological foundations of Russian thought on war at the turn of the 19th and 20th centuries, examined through the works of N.Ya. Danilevsky, F.I. Tyutchev, P.N. Savitsky, E.N. Trubetskoy, and Sergey Bulgakov. War is analyzed as a profound civilizational conflict and a form of spiritual resistance rooted in Russia's unique historical and metaphysical identity. Unlike individualistic or purely political approaches, this second part emphasizes the civilizational dimension of the philosophy of war. The metaphysical significance of war is underscored— as a visible symptom of deeper civilizational fractures and as a moral trial testing the soul of the nation. The reflections of these thinkers are situated within the broader context of Russia's civilizational mission and its struggle for spiritual autonomy amid the pressure of Western universalism and internal fragmentation.

Keywords: philosophy of war, Russian thought, N.Ya. Danilevsky, F.I. Tyutchev, P.N. Savitsky, E.N. Trubetskoy, S.N. Bulgakov.

УДК 130.2:004.8

А.О. Сотниченко

Человек и ИИ: взаимодействие против замещения

Аннотация:

В условиях стремительного развития технологий искусственного интеллекта (далее – ИИ) возникает необходимость переосмысления отношений между человеком и машиной. Статья предлагает философский анализ ИИ как экзосредства – внешнего инструмента, усиливающего когнитивные и операционные способности человека, но не заменяющего его как субъекта мышления, целеполагания и этики. Автор раскрывает концепцию техногуманизма как альтернативу технофобии и трансгуманизму, подчеркивая, что человек сохраняет ключевую роль в проверке, интерпретации и этическом сопровождении решений, сгенерированных ИИ. Особое внимание уделено важности перехода от модели «замещения» к модели «взаимодействия», при которой формируется новая субъектность – «человек+ИИ» как гибридный интеллектуальный агент. Предлагается концепция «этики взаимодействия», основанная на осознанном соучастии, распределении ответственности и уважении к человеческой уникальности в цифровую эпоху.

Ключевые слова: искусственный интеллект, философия техники, экзосредство, субъектность, техногуманизм, этика взаимодействия, человек+ИИ.

Об авторе: Сотниченко Андрей Олегович, МГТУ им. Н.Э. Баумана, студент кафедры социологии и культурологии; эл. почта: sao23s015@student.bmstu.ru

Научный руководитель: Чернышева Анна Владимировна, МГТУ им. Н.Э. Баумана, кандидат философских наук, доцент кафедры социологии и культурологии; эл. почта: chernysheva@bmstu.ru

Введение

С началом XXI в. человечество вступает в эпоху стремительной цифровизации, сопровождающейся активным внедрением технологий ИИ во все сферы жизни. Этот

процесс не только трансформирует экономику, образование и повседневные практики, но и ставит под вопрос традиционные представления о человеке, его уникальности и роли в мире. В условиях, когда ИИ способен выполнять задачи, ранее считавшиеся прерогативой человеческого интеллекта, возникает необходимость философского осмысления новых форм взаимодействия между человеком и машиной.

Одним из ключевых вызовов, с которым сталкивается современное общество, выступает страх перед возможным замещением человека ИИ. Опасения утраты рабочих мест, снижения значимости человеческого труда и утраты контроля над технологиями порождают технофобские настроения [1]. Вместе с тем трансгуманистические идеи предлагают радикальное переосмысление человеческой природы, вплоть до слияния с машинами и перехода к постчеловеческому состоянию.

В противовес этим крайностям возникает концепция техногуманизма, утверждающая возможность гармоничного сосуществования человека и технологий, при котором ИИ служит инструментом расширения человеческих возможностей, а не их замены. Такой подход требует философского осмысления самой сущности техники и ее места в человеческом бытии. Для этого необходимо обратиться к ключевым концепциям философии техники, которые позволяют рассматривать технические средства не как внешние по отношению к человеку элементы, а как органичную часть его развития и самоопределения. Одним из ярких представителей этого направления становится французский философ Ж. Симондон, рассматривающий технику не как нечто внешнее по отношению к человеку, а как продолжение процесса индивидуации. В его работах техника выступает как среда, в которой происходит формирование индивидуальности, а технические объекты становятся посредниками в этом процессе [3].

В эссе «Вопрос о технике» М. Хайдеггер анализирует сущность техники как способа раскрытия бытия. Он предупреждает об опасности, когда техника становится доминирующим способом отношения к миру, что может привести к забвению самого бытия и утрате подлинности существования [5]. А. Леруа-Гуран вводит понятие экзосоматической эволюции, подчеркивая, что развитие человека связано не только с биологическими изменениями, но и с созданием и использованием внешних средств – экзосредств. Такие средства, как орудия труда и язык, становятся продолжением человеческого тела и сознания, формируя уникальный путь эволюции *Homo sapiens* [2].

Современные философские подходы к технике продолжают линию переосмысления ее статуса в человеческой жизни – не как внешней угрозы, а как неотъемлемого элемента формирования субъекта. Так, Б. Стиглер рассматривает технику как форму протопамяти, позволяющей внешне фиксировать знания и тем самым формировать коллективное и индивидуальное сознание. По его мысли, технология становится не просто инструментом, а средством хранения и трансляции смыслов, влияя на культурную и ментальную эволюцию общества [4].

Схожую логику развивает М. Эпштейн, вводя понятие «техногуманизм», отражающее направление, в котором техника мыслится не как альтернатива человеку, а как пространство его творческого самовозвышения. Благодаря технике человек открывает новые горизонты самореализации, выходящие за пределы ограничений физической и когнитивной природы [6].

Все три подхода подчеркивают важную идею: техника – не отчужденная сфера, а поле смыслообразования и самоконституции субъекта. Это напрямую соотносится с задачей переосмысления ИИ не как угрозы замещения, а как партнерского и смыслопорождающего экзосредства в когнитивной и культурной деятельности человека. Современные технологии ИИ в ряде работ все чаще интерпретируются не как автономные субъекты, способные заменить человека, а как экзосредства, т.е. внешние инструменты, расширяющие и усиливающие человеческие способности. Так, Д. Ганнинг вводит понятие «объяснимый ИИ» (explainable AI) как дополнение к человеческому принятию решений, подчеркивая, что ИИ предназначен для поддержки, а не вытеснения человеческого субъекта [3].

Аналогичную точку зрения развивает З. Захеди, определяя ИИ как часть системы гибридного интеллекта, где человек сохраняет стратегическое и этическое руководство [16]. В этом контексте ИИ выполняет функции автоматизации, генерации и обработки информации, освобождая человека от рутинных задач и позволяя сосредоточиться на более сложных и творческих аспектах деятельности. Однако, несмотря на впечатляющие достижения, ИИ по-прежнему не обладает интенцией, ценностями и способностью придавать смысл своей деятельности, что делает человека незаменимым в процессе принятия решений и интерпретации полученных результатов [9].

Примеры из различных профессиональных сфер демонстрируют, что ИИ служит инструментом, а не заменой специалиста. Роль человека трансформируется от исполнителя

к куратору, редактору и стратегу, что подчеркивает необходимость переосмысления взаимодействия между человеком и ИИ в современном обществе [11]. Концепции «человека-редактора» и «человека-надсмотрщика» за ИИ отражают не просто смену функциональных ролей, но более глубокий сдвиг в понимании субъектности труда в эпоху ИИ. Однако подобная трансформация неоднозначна. С одной стороны, она расширяет возможности человека. С другой, она накладывает новые требования к профессиональной подготовке, ведь специалисту теперь необходимо овладевать не только предметной областью, но и принципами функционирования ИИ, пониманием его ограничений, а также способностью критически оценивать полученные результаты.

Возникает вопрос: готово ли современное образование и трудовое устройство к этой новой конфигурации труда, в которой человек становится «надсмотрщиком за машиной»? Не формируется ли при этом новая когнитивная нагрузка, связанная с постоянной необходимостью проверять, корректировать и интерпретировать результаты ИИ, что может порождать синдром «цифрового выгорания» или «интеллектуального перегруза»? В этих условиях сотрудничество с ИИ – это не просто техническое взаимодействие, а глубокая перестройка самой логики труда, при которой необходимо осмысление границ делегирования, уровней доверия и сфер, где решение по-прежнему должно оставаться за человеком.

Речь идет не только об оптимизации функций, но и о философском вызове – каков субъект, если его главным делом становится контроль и интерпретация того, что он сам не создавал напрямую? В этом контексте ИИ предстает амбивалентным партнером человека, усиливающим возможности и одновременно обостряющим вопросы ответственности, смысла и границ контроля [16].

В условиях стремительного развития технологий возникает необходимость переосмысления этических аспектов взаимодействия человека и машины. Несмотря на впечатляющие достижения в области ИИ, важно помнить, что эти системы остаются техническими агентами, лишенными морального сознания и ответственности. Они не обладают способностью к интенциональности, не имеют ценностей и не способны придавать смысл своим действиям. ИИ не может быть признан моральным субъектом, а ответственность за его применение и последствия лежит на человеке [10].

Попытки делегирования моральных решений ИИ сопряжены с серьезными рисками. Люди менее склонны передавать принятие решений в этически сложных ситуациях,

особенно когда речь идет о решениях, направленных на других людей [8]. При этом существует опасность переоценки возможностей ИИ и создания иллюзии его автономности. Высокая производительность и способность к генерации убедительных результатов могут привести к ложному ощущению контроля и понимания со стороны человека. Это может способствовать чрезмерному доверию и снижению критического восприятия решений ИИ [14]. Такая ситуация требует особого внимания к вопросам прозрачности и объяснимости ИИ-систем, чтобы избежать неконтролируемого влияния на принятие решений.

В этой связи актуальной становится разработка концепции «этики взаимодействия», которая учитывает специфику распределенного агентства в системах «человек+ИИ». Такая этика не может основываться на классических принципах автономности субъекта, поскольку ИИ не обладает интенцией, сознанием и способностью к моральному суждению. Вместо этого предлагается рассматривать ИИ как инструментально-активное звено в структуре деятельности, за которое человек несет опосредованную, но полную ответственность.

Этика взаимодействия предполагает три ключевых компонента. Во-первых, сохранение за человеком статуса морального агента – того, кто принимает решения, оценивает последствия и отвечает за них. Во-вторых, осознанное ограничение возможностей ИИ в сферах, где принятие решений связано с ценностными и гуманитарными суждениями (например, медицина, правосудие, образование). В-третьих, не менее важным компонентом выступает разработка прозрачных регламентов взаимодействия, которые позволят избежать иллюзии автономности ИИ и предотвратить переоценку его возможностей [7].

Развитие ИИ приводит к формированию новой формы субъектности, основанной на симбиозе человека и машины. Такой субъект не существует сам по себе – он возникает в процессе взаимодействия, в специфической связке когнитивного, этического и операционного. Ключевая особенность гибридного субъекта – двойственная природа деятельности: человек задает цели, интерпретирует результаты, оценивает последствия, в то время как ИИ осуществляет вычисления, прогнозирование и автоматическую обработку данных. Субъектность не делится между двумя агентами, а возникает как их соединенная способность действовать осмысленно и ответственно в технологически насыщенной среде.

Это предполагает не только техническую интеграцию, но и культурную, этическую и когнитивную адаптацию. Человек обучает ИИ и одновременно учится сам – в этом смысле сотрудничество с ИИ становится не просто способом делегирования функций, а новой формой расширенной субъектности, включающей взаимное развитие и соучастие.

Концепция «человек+ИИ» предлагает модель партнерства, в которой интуиция, опыт и этическая ответственность человека сочетаются со скоростью, масштабом и формальной строгостью машинных вычислений. Это порождает качественно новый тип деятельности – гибридный интеллект, в котором ни один из компонентов не может функционировать автономно без утраты смысловой целостности системы [12].

Обратимость в обучении проявляется в том, что человек обучает ИИ, предоставляя ему данные и корректируя его поведение, в то время как ИИ способствует обучению человека, предоставляя новые инструменты и расширяя его возможности. Такое взаимное обучение усиливает когнитивные способности обоих агентов и способствует решению сложных задач [13].

Интеллект рассматривается как распределенный процесс, в котором человек выступает архитектором, задающим цели, формулирующим критерии оценки, интерпретирующим результаты, а ИИ – инструментом, реализующим техническую сторону задачи: анализ данных, генерацию решений, прогнозирование. Это предполагает переосмысление традиционной роли специалиста как исполнителя, ведь теперь он становится куратором, критиком и этическим посредником между машинным выводом и человеческим решением.

В этой связи возникает необходимость в развитии нового набора компетенций понимания принципов работы ИИ (включая его ограничения и вероятностную природу), способности к критической интерпретации автоматических рекомендаций, навыков этического суждения в условиях неопределенности. Важной становится коммуникация с ИИ через промпт-инжиниринг, контроль за прозрачностью алгоритмических решений, а также умение работать в условиях когнитивной асимметрии, когда система «знает» больше, но не понимает контекста. Без этих навыков сотрудничество с ИИ может привести к утрате контроля над принятием решений, усилению автоматического конформизма и снижению уровня рефлексии. Поэтому задача образования и профессиональной подготовки заключается в формировании не только технической грамотности, но и способности к

философскому и этическому осмыслению взаимодействия с ИИ – это необходимое условие для создания по-настоящему эффективных и ответственных социотехнических систем [15].

Заключение

Современные дискуссии о роли искусственного интеллекта все чаще сводятся к дихотомии: либо ИИ заменит человека, либо он останется лишь вспомогательным инструментом. Однако философский анализ позволяет преодолеть это упрощенное противопоставление. ИИ следует рассматривать как экзосредство – внешнее расширение когнитивных и операциональных возможностей человека, а не как его замену. Он становится партнером, с которым возможно построение новой формы взаимодействия, основанной на распределенной интеллектуальной активности и взаимном обучении.

В этом симбиозе человек сохраняет свою центральную позицию. Именно он остается источником целей, носителем ценностей и субъектом моральной ответственности. Как бы ни была высока функциональная эффективность ИИ, он не способен подменить человека в этих аспектах. Поэтому вместо философии замещения, строящейся на идее вытеснения человека из интеллектуального труда, целесообразно развивать философию взаимодействия.

Обозначенный подход не только преодолевает технофобию, но и формирует этически устойчивую и гуманистически ориентированную рамку развития технологий. Страх вытеснения, характерный для ранних стадий массового внедрения ИИ, во многом связан с непониманием его природы, поскольку он не обладает интенцией, не стремится к автономии, не способен к моральной рефлексии, его функции инструментальны.

В этой связи будущее цифрового общества не связано с устранением человека, а, напротив, требует его усиленного присутствия в стратегических, этических и интерпретационных зонах. Человек становится архитектором цифровых сред, т.е. тем, кто проектирует алгоритмы, задает цели, выбирает направления развития. Он остается интерпретатором смыслов, способным улавливать и распознавать контекст, культурные коды и пр. Наконец, именно человеческий субъект выступает гарантом этических ориентиров. Все это возможно лишь при условии развития философской и этической грамотности, способной сопровождать технологические инновации. В противном случае гуманистическая рамка рискует остаться риторической, а человек превратится из субъекта в техническое приложение к ИИ.

Библиографический список:

1. Багдасарьян Н.Г. Цифровое общество и дискурсы постгуманизма / Н.Г. Багдасарьян, А.Л. Кравченко // Логос. 2022. Т. 32, № 6(151). С. 245-272.
2. Леруа-Гуран А. Жест и речь / пер. с фр. А. Григорьева. М.: Прогресс, 1993. 384 с.
3. Симондон Ж. О способе существования технических объектов // Транслит. 2011. № 9. С. 94-105.
4. Стиглер Б. Техника и время. Т. 1: Проступок Эпиметея / пер. с фр. А. Михайлова. М.: Академический проект, 2010. 320 с.
5. Хайдеггер М. Вопрос о технике // Время и бытие: Статьи и выступления / пер. с нем. В.В. Библихина. М.: Республика, 1993. С. 224–243.
6. Эпштейн М.Н. Техногуманизм: техника как творческое самопреодоление человека // Человек: Образ и сущность. Гуманитарные аспекты. 2014. № 1 (25). С. 137-155.
7. Beckers S. Moral Responsibility for AI Systems [Электронный ресурс] // Advances in Neural Information Processing Systems 36 (NeurIPS 2023). Режим доступа: https://proceedings.neurips.cc/paper_files/paper/2023/hash/0d5b7fd8c669fac58d6702188ed63afa-Abstract-Conference.html (16.11.2025).
8. Bigman Y. Decoding decision delegation to artificial intelligence / Y. Bigman, K. Gray // Journal of Business Research. 2024. Vol. 160. Pp. 113-121.
9. Dellermann D. The future of human-AI collaboration: a taxonomy of design knowledge for hybrid intelligence systems [Электронный ресурс] / D. Dellermann, A. Calma, N. Lipusch, T. Weber // ResearchGate. Режим доступа: https://www.researchgate.net/publication/332085078_The_Future_of_Human-AI_Collaboration_A_Taxonomy_of_Design_Knowledge_for_Hybrid_Intelligence_Systems (дата обращения: 16.11.2025).
10. Gunkel D. The Machine Question: Critical Perspectives on AI, Robots, and Ethics. Cambridge: MIT Press, 2012. 270 p.
11. Hemmer P. Human-AI Collaboration: The Effect of AI Delegation on Human Task Performance and Task Satisfaction [Электронный ресурс] / P. Hemmer, M. Westphal, M. Schemmer, S. Vetter // ResearchGate. Режим доступа: https://www.researchgate.net/publication/369300540_Human-

[AI Collaboration The Effect of AI Delegation on Human Task Performance and Task Satisfaction](#) (дата обращения: 16.11.2025).

12. Järvelä S. Hybrid intelligence: Human–AI coevolution and learning // British Journal of Educational Technology. 2024. Vol. 56, No. 2. Pp. 455-468.

13. Mossbridge J. Shifting the Human-AI Relationship: Toward a Dynamic Relational Learning-Partner Model [Электронный ресурс] // ResearchGate. Режим доступа: https://www.researchgate.net/publication/384974236_Shifting_the_Human-AI_Relationship_Toward_a_Dynamic_Relational_Learning-Partner_Model (дата обращения: 16.11.2025).

14. Nowotny H. AI and the illusion of control // Proceedings of the Paris Institute for Advanced Study. 2024. Vol. 1. DOI: 10.5281/zenodo.13588582.

15. Xu, W., Gao, Z. Applying HCAI in developing effective human-AI teaming: A perspective from human-AI joint cognitive systems [Электронный ресурс] / W. Xu, Z. Gao // ResearchGate. Режим доступа: https://www.researchgate.net/publication/377320293_Applying_HCAI_in_Developing_Effective_Human-AI_Teaming_A_Perspective_from_Human-AI_Joint_Cognitive_Systems (дата обращения: 16.11.2025).

16. Zahedi Z. Human-AI Symbiosis: A Survey of Current Approaches [Электронный ресурс] / Z. Zahedi, S. Kambhampati // ResearchGate. Режим доступа: https://www.researchgate.net/publication/350160695_Human-AI_Symbiosis_A_Survey_of_Current_Approaches (дата обращения: 16.11.2025).

Sotnichenko A.O. **Human and AI: Cooperation instead of Replacement**

Amid the rapid development of artificial intelligence (AI) technologies, there is a growing need to reconsider the relationship between humans and machines. This article offers a philosophical analysis of AI as an exosomatic tool—an external medium that enhances human cognitive and operational capacities without replacing the human being as a subject of thought, goal-setting, and ethical responsibility. Drawing on the works of Simondon, Heidegger, Leroi-Gourhan, Stiegler, and other thinkers, the author develops the concept of technohumanism as an alternative to both technophobia and transhumanism. The human retains a central role in verifying,

interpreting, and ethically supervising AI-generated decisions. The article emphasizes the necessity of moving from a model of «replacement» to a model of «interaction» where a new hybrid subjectivity human+AI is formed. It proposes the notion of an «ethics of interaction» based on conscious co-participation, distributed responsibility, and respect for human uniqueness in the digital age.

Keywords: artificial intelligence, philosophy of technology, exosomatic tool, subjectivity, technohumanism, ethics of interaction, human+AI.

УДК 330

Д.С. Зорихин

Конструирование образовательных программ СПО в рамках федерального проекта «Профессионалитет»

Аннотация:

Рассмотрены направления внедрения новой образовательной технологии конструирования образовательных программ в системе среднего профессионального образования в рамках реализации федерального проекта «Профессионалитет». Проанализированы актуальные проблемы необходимости адаптации учебных программ к требованиям современного рынка труда и повышения качества подготовки специалистов. Предложены рекомендации по дальнейшему развитию системы конструирования образовательных программ с целью улучшения качества подготовки кадров и повышения конкурентоспособности выпускников на рынке труда. Статья будет полезна педагогам, администраторам образовательных учреждений и специалистам, стремящимся повысить качество профессиональной подготовки.

Ключевые слова: среднее профессиональное образование, федеральный проект «Профессионалитет», образовательные программы, компетентностный подход, инновационные технологии.

Об авторе: Зорихин Дмитрий Сергеевич, Уральский государственный экономический университет, магистрант кафедры государственного и муниципального управления; директор Нижнетагильского горно-металлургического колледжа имени Е. А. и М. Е. Черепановых; эл. почта: d.zorihin@ntgmkr.ru

Научный руководитель: Молокова Елена Леонидовна, Уральский государственный экономический университет, кандидат экономических наук, доцент, ученый секретарь; эл. почта: elmo.sm@mail.ru

Современное образовательное пространство подвержено значительным изменениям в связи с требованиями, предъявляемыми меняющимся рынком труда. Среднее

профессиональное образование (далее – СПО) выступает важнейшим звеном в системе подготовки квалифицированных специалистов, однако традиционные подходы к его организации зачастую не соответствуют современным условиям и потребностям экономики.

В Федеральном законе от 29.12.2012 N 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» образование определяется как «единый целенаправленный процесс воспитания и обучения», который имеет общественное значение и направлен на удовлетворение потребностей человека, его семьи и общества в целом [5]. Образование становится элементом личностного и профессионального развития, включающего не только приобретение знаний, но и формирование умений, навыков, ценностных установок и компетенций, необходимых для успешной деятельности в различных сферах жизни. Образование рассматривается как процесс, способствующий интеллектуальному, духовно-нравственному, творческому, физическому и профессиональному развитию личности. Такой подход ориентирован на развитие не только умственных способностей, но и социальных, эмоциональных и практических навыков учащихся.

В этом контексте Федеральный проект «Профессионалитет» стал ответом на проблемы, стоящие перед системой СПО в России [3]. Основная цель этого проекта – реформирование системы СПО, что включает в себя разработку адаптивных образовательных программ, соответствующих современным требованиям рынка труда. В рамках проекта «Профессионалитет» внедряются новые образовательные технологии, которые способны улучшить качество подготовки будущих специалистов. Это подразумевает использование не только цифровых технологий, но и методов активного обучения, проектной деятельности и практической подготовки, что позволит учащимся развивать критическое мышление, творческий подход к решению проблем и способность к командной работе. Все эти навыки и компетенции необходимы для повышения конкурентоспособности выпускников на рынке труда.

Одной из важнейших инноваций, рассматриваемых в рамках проекта «Профессионалитет», становится технология конструирования образовательных программ. Она подразумевает междисциплинарный подход, где акцент делается на интеграции различных методик и практик, направленных на удовлетворение потребностей работодателей и профессиональных сообществ. В результате создаются образовательные

программы, которые отвечают актуальным требованиям и условиям труда на современном рынке.

Такая интеграция взаимосвязывает образовательные стандарты с реальными условиями и спецификой профессиональной деятельности, тем самым улучшая качество обучения и делая его более целенаправленным. Проект включает применение компетентностного подхода, нацеленного на формирование у студентов не только теоретических знаний, но и практических навыков. Основное внимание уделяется развитию компетенций, критического мышления, творческого подхода и командной работе при решении задач. Такие навыки крайне необходимы выпускникам для успешной профессиональной деятельности, ведь в результате студенты получают более полное представление о своей будущей профессии.

В рамках реализации проекта «Профессионалитет» создается уникальная инфраструктура, направленная на качественное взаимодействие образовательных учреждений и работодателей, входящих в единый кластер. Колледжи и предприятия, функционирующие в рамках кластера, подписывают партнерские соглашения, работодатели активно участвуют в управлении колледжами, включая возможность регулирования разработки и реализации образовательных программ, определения необходимых учебных зон и привлечения работников предприятий к наставничеству на производстве [1].

Одной из составляющих подхода выступает возможность выделения специального колледжа, модернизирующегося под ключ. На базе этого колледжа формируются управленческая структура и педагогический состав, разрабатываются новые образовательные программы, налаживаются учебно-производственные комплексы, которые создают условия для более глубокой практической подготовки студентов.

В рамках проекта разработаны интенсивные образовательные программы, ориентированные на текущие потребности отраслевых рынков труда и конкретных предприятий. Для более удобного и качественного формирования таких программ была создана информационная платформа «Цифровой конструктор компетенций» как инструмент для сбора и анализа информации о текущих требованиях рынка труда.

Важной составляющей реализации проекта становится подготовка кадрового состава, работающего в образовательных учреждениях кластера. Все категории работников – педагоги, мастера производственного обучения, специалисты, ответственные за

воспитание и представители управленческих команд – проходят подготовку, направленную на приобретение компетенций, необходимых для реализации проекта.

Обучение охватывает педагогические, производственные и управленческие навыки с целью подготовки специалистов. Педагогические работники получают необходимые знания о современных методах и технологиях обучения, а также осваивают приемы активного вовлечения студентов в образовательный процесс. Мастера производственного обучения, играющие большую роль в подготовке студентов к практической деятельности, обучаются не только профессиональным навыкам, но и методикам наставничества. Они учатся интегрировать теорию с практикой, чтобы студенты могли применять знания в реальных условиях [3]. Кроме того, педагоги и преподаватели обучаются методам стратегического управления и разработки образовательных программ, ориентированных на запросы работодателей и требования экономики.

Система подготовки кадрового состава кластера в рамках проекта «Профессионалитет» выступает целевым подходом, повышающим общий уровень квалификации работников. Обучение по новым компетенциям дает возможность педагогам и другим специалистам не только адаптироваться к современным вызовам, но и активно участвовать в процессе формирования будущих специалистов.

Несмотря на усилия по внедрению совместных образовательных программ с работодателями, потребности рынка труда могут меняться быстрее, чем образовательные учреждения способны адаптировать свои учебные планы. Проблема качества подготовки педагогов и специалистов, ответственных за обучение и воспитание, остается актуальной. Некоторые колледжи не располагают современным оборудованием и технологиями, необходимыми для качественной подготовки студентов, что ограничивает возможности применения новых образовательных методов и технологий, предусмотренных проектом.

Вместе с тем реализация масштабных изменений в системе образования требует значительных финансовых вложений. Недостаток финансирования затрудняет модернизацию учебных планов, приобретение оборудования и профессиональную подготовку педагогов. Несмотря на наличие соглашений между колледжами и предприятиями, реальное сотрудничество и вовлеченность работодателей остаются недостаточными. Работодатели не всегда готовы инвестировать ресурсы в образовательные программы или привлекать сотрудников к наставничеству. Проект реализуется в разных

регионах страны, а условия, в которых работают колледжи и предприятия, значительно различаются.

Наконец, не все образовательные учреждения готовы к полноформатному переходу на цифровые технологии, что может создать препятствия для использования платформы «Цифровой конструктор компетенций» и других инновационных подходов [4]. Недостаточная система мониторинга и оценки внедрения новых образовательных программ может привести к тому, что выявленные проблемы не будут своевременно решаться, что повлияет на общую эффективность проекта.

Перспективы реализации технологии для разработки образовательных программ СПО в рамках проекта «Профессионалитет» нацелены на улучшение качества подготовки кадров и решение задач социально-экономического развития регионов. Во-первых, проект подразумевает создание образовательно-производственных центров (кластеров). Так, к 2026 г. планируется увеличить число таких кластеров до 588. Во-вторых, в рамках проекта работодатели привлекаются в учебный процесс, участвуют в разработке учебных планов, выборе оборудования, организации практической подготовки и др.

В-третьих, «Профессионалитет» может существенно оптимизировать сроки обучения. Средняя продолжительность обучения сегодня составляет от 1 года 10 месяцев до 2 лет 10 месяцев, что позволяет студентам быстрее выйти на рынок труда, а работодателям оперативно закрыть кадровые вакансии. В рамках итоговой аттестации студенты сдают демонстрационный экзамен – решают практические задачи в условиях, приближенных к реальным рабочим [3].

Прогнозируется, что к 2030 г. более 70% потребностей рынка труда будут сосредоточены на специалистах со средним профессиональным образованием. Система СПО должна оперативно адаптироваться к требованиям рынка и готовить соответствующие кадры. В этой связи необходимо создать баланс между теоретическими знаниями и практическими навыками. Студенты должны не только изучать теоретические основы своей профессии, но и уметь применять их на практике. В частности, это может быть достигнуто через активно-практическую деятельность, где студенты участвуют в реальных проектах [1]. Программы следует корректировать в зависимости от изменений на рынке труда, что требует тесного сотрудничества с работодателями.

Образовательные программы должны сочетать в себе элементы разных предметов, чтобы студенты понимали взаимосвязь различных областей знания [4]. Например,

сочетание технической подготовки с экономикой и управлением помогает студентам развивать более целостное представление о будущей профессии. В этом контексте проектная деятельность выступает необходимым методом, позволяющим учащимся применять знания на практике. Использование интерактивных форм обучения более активно вовлекает в процесс обучения и развивает критическое мышление [6]. Включение стажировок в учебные программы обеспечивает возможность получить реальный опыт работы в своей профессии, применить теоретические знания, наладить профессиональные контакты и улучшить понимание требований работодателей.

В то же время для реализации компетентного подхода в рамках проекта «Профессионалитет» необходимо обратить внимание на несколько направлений:

1. Сотрудничество с работодателями. Привлекать работодателей следует через проведение совместных мероприятий – круглых столов, семинаров и встреч, которые помогут наладить диалог между образовательными учреждениями и бизнесом.
2. Обновление учебных планов. Регулярный пересмотр и актуализация учебных планов обеспечат их соответствие современным требованиям и трендам. Следует внедрять новые темы и блоки, которые отражают изменения в профессиональной деятельности.
3. Подготовка преподавателей. Профессиональная подготовка педагогов посредством курсов повышения квалификации и обмена опытом между преподавателями должна стать приоритетной задачей.
4. Использование технологий: создание онлайн-курсов, платформ для дистанционного обучения и использование цифровых инструментов для поддержки образовательного процесса.
5. Мониторинг и оценка. Разработка систем мониторинга и оценки качества подготовки студентов своевременно выявит проблемы и позволит скорректировать образовательный процесс [2].

Таким образом, перспективы внедрения новой образовательной технологии конструирования образовательных программ в рамках проекта «Профессионалитет» создают возможности для улучшения качества образования, повышения конкурентоспособности выпускников. Все это не только отвечает текущим требованиям экономики, но и закладывает прочный фундамент для подготовки высококвалифицированных специалистов будущего. Следование представленным

рекомендациям позволит оптимизировать образовательные процессы и создать систему, отвечающую современным вызовам и ожиданиям общества.

Библиографический список:

1. Компетенции 4К: формирование и оценка на уроке: практические рекомендации / авт.-сост.: М. А. Пинская, А. М. Михайлова. М.: Корпорация «Российский учебник», 2019. 76 с.
2. Основы государственного и муниципального управления. Агенты и технологии принятия политических решений / Г.А. Меньшикова [и др.]; под редакцией Г.А. Меньшиковой. М.: Издательство Юрайт, 2021. 387 с.
3. Паспорт федерального проекта «Профессионалитет» [Электронный ресурс] // Национальные проекты РФ. Режим доступа: <https://национальныепроекты.рф> (дата обращения: 10.05.2025).
4. Токарева М.В. Цифровая компетенция и цифровая компетентность // Вестник Шадринского государственного педагогического университета. 2021. № 4 (52). С. 133-140.
5. Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» от 29 декабря 2012 г. N 273-ФЗ // Собрании законодательства Российской Федерации от 31 декабря 2012 г. N 53 (часть I) ст. 7598.
6. Эберт Е.Н. Проектирование компетентностно-ориентированного занятия в дополнительном образовании детей. Сыктывкар: Изд-во СГУ им. Питирима Сорокина, 2024. 65 с.

Zorikhin D.S. Designing educational programs of secondary vocational education within the framework of the federal project «Professionalism»

The directions of the implementation of a new educational technology for designing educational programs in the system of secondary vocational education within the framework of the federal project «Professionalism» are considered. The current problems of the need to adapt educational programs to the requirements of the modern labor market and to improve the quality of training specialists are analyzed. Recommendations are proposed for the further development

of the system for designing educational programs in order to improve the quality of training and increase the competitiveness of graduates in the labor market. This article will be useful for teachers, educational institution administrators, and professionals who want to improve the quality of their training.

Keywords: secondary vocational education, federal project «Professionalism», educational programs, competence-based approach, innovative technologies.